

УШЕЛ МИМИНО, ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ВИНО...

ГРУСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОССИЙСКО-
ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

К публикации докладов «Образ Грузии глазами россиян» (ЦЕССИ)
и «Образ России глазами грузин» (КЦИР)

Вадим Муханов

Содержание

1.	ЧАСТЬ 1.	
	Оглядываясь назад...	4
	От «дружбы народов» до вражды наций	4
	Песни о вине... ..	6
	Уход «Тергдалеулеби»	7
	Мишико вместо Мимино	10
2.	ЧАСТЬ 2.	
	Рассматривая друг друга...	13
	Перелистывая старые опросы... ..	13
	Новое погружение в реальность... ..	16
	Вместо заключения	26

ЧАСТЬ 1.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД...

ОТ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ» ДО ВРАЖДЫ НАЦИЙ

Российско-грузинские отношения, переживающие сегодня не лучшие времена, прошли несколько стадий своего развития (или регресса). Половина из имеющегося сегодня 30-летнего срока с момента распада СССР и обретения независимости бывшими советскими республиками прошла под знаком добрососедских взаимоотношений.

Само обретение Грузией независимости базировалось на диком всплеске национализма и, соответственно, резком обострении межэтнических отношений. Конфликты между соседними этносами вспыхнули еще в позднесоветский период, но переросли в откровенную силовую конфронтацию и кровавую войну уже в 1990-е гг., когда у руля в Грузии встали националисты во главе с Звиадом Гамсахурдия. Конфликты с Абхазией и Южной Осетией стали закономерным результатом их политической активности. Гражданская война в Грузии вместе с кровавыми вооруженными конфликтами в Абхазии и Южной Осетии в первой половине 1990-х гг. окончательно обрушила равновесие в регионе, надолго заморозив поступательное развитие Закавказья.

Несмотря на имевшиеся трудности, отношения между Москвой и Тбилиси вплоть до прихода Михаила Саакашвили носили стабильный характер и находились на высоком уровне. Перед Тбилиси стояла проблема урегулирования конфликтов, однако это напрямую не увязывалось с Москвой.

Рассчитывая на отстраненную реакцию Москвы, Саакашвили решился на авантюру в Южной Осетии, которая привела к российско-грузинской войне 2008 г. Потерпев сокрушительное поражение, амбициозный руководитель Грузии решил вплести республиканские проблемы в общий формат противостояния России с Западом, заодно утопив в них и свою вину в размораживании региональных конфликтов. Именно с конца 2008 г. в политический обиход в Грузии вошло

слово «оккупация», а также стала популярной версия о перманентной российской угрозе. Именно с того времени стали реже вспоминать об обвинениях в сепаратизме и предательстве абхазов и осетин, а чаще и потом уже постоянно говорить о перманентной угрозе со стороны России, которая и создала своими руками абхазскую и югоосетинскую проблемы, чтобы насолить Грузии (специально провоцировала абхазов и осетин еще с конца 1980-х гг.). Тема конфликтов с соседями стала уходить на второй план, а во главу угла последнее десятилетие стараются поставить сложные отношения с Россией, которая якобы виновата во всей крови и развязывании этих межэтнических конфликтов.

Таким образом, политический истеблишмент Грузии времен Саакашвили смог создать простую и понятную схему, которая многими принимается с доверием. Грузии портит жизнь «злая Россия», которая и спровоцировала абхазов и осетин на противостояние, а так бы они мирно и хорошо жили под сенью грузинского правления.

Подчеркнем, что с этого времени и стал активно внедряться образ России как врага, причем давнего, что только увеличивает пропасть между странами и народами. Грузинские авторы Г. Рцхиладзе и Г. Векуа еще десятилетие назад отмечали, что «суть проблемы в том, что образ врага — в виде сопредельной России — внедряется и целенаправленно культивируется в Грузии вот уже 20 лет»¹. Стали происходить дискуссии о российской «оккупации», затем расширяться ее хронологические границы (кто-то говорил о том, что Грузию оккупировали в 1921 г., кто-то — о 200-летнем периоде, начавшемся с известного манифеста Александра I в 1801 г.)².

1 Рцхиладзе Г., Векуа Г. Россия — Грузия: что происходит? Тб., 2010. С. 2.

2 Подробнее см.: Муханов В.М. К вопросу о ключевых темах совместной российско-грузинской истории и их современных интерпретациях // Международная аналитика. 2017. № 3(21). С. 56-62.

Все точки бифуркаций, пройденные в период совместной истории, пересмотрены, произошла определенная ревизия прошлого, появились новые оценки и определенная терминология, которые стали незамедлительно включаться в политический дискурс между странами, принимавший иногда достаточно грубые формы. В первую очередь, полюбившийся термин «оккупация» теперь применяется в Грузии к различным периодам прошлого, начиная с XIX столетия и заканчивая текущим десятилетием. Политолог Максим Кирчанов, анализируя современные концепции грузинских интеллектуалов, подчеркивает, что Россия «воспринимается как постоянная угроза и источник проблем для грузинской нации и государственности — от этнических чисток до угрозы независимости, а претензии со стороны интеллектуалов Грузии к России разнообразны и варьируются от обвинения в ликвидации грузинской государственности в XIX в. до попыток недопущения реализации проекта независимой грузинской государственности в 1990-е гг. и ее экономического подавления. Несколько стимулов содействуют формированию, развитию и продвижению негативного образа России, а именно: поддержка сепаратистов в 1990-е гг., военный конфликт 2008 г. и последующее признание со стороны РФ независимости Абхазии и Южной Осетии, а также вмешательство в конфликт на Украине в 2014 г. Поэтому некоторые авторы последовательны в критике России и сравнивают ее политику в Крыму в 2014 г. с тем, что Германия делала в 1938 г. в Судетах... Другие авторы также склонны актуализировать именно агрессивные амбиции России, воспринимая ее как страну, которая убивает критически мыслящих журналистов и сажает в тюрьму политических противников, сравнивая ее, с одной стороны, с плотоядным животным, которое использует ситуацию и расширяет границы во время пандемии, а с другой — с чумой, которая беспокоит нас, грузин, много лет»³.

Так, сознательная политика по культивированию образа врага велась на протяжении последнего десятилетия, и очевидно, что она отнюдь не способствовала нормализации двухсторонних отношений, а скорее, наоборот, всячески препятствовала и осложняла любую позитивную деятельность, направленную на сближение позиций России и Грузии. Таким образом, специально отобранный исторический багаж представляется одним из реальных препятствий в деле урегулирования конфликтов на Кавказе. Помимо российско-грузинских противоречий, это касается и грузино-осетинского, и грузино-абхазского конфликтов. «Антироссийские настроения среди грузинских интеллектуалов, некоторые из которых и в настоящее время придерживаются мнения, что

Россия в своей внешней политике стремится к сохранению в отношении постсоветского пространства советских оков, возникли в начале XX в., став одним из последствий советизации Грузии, а события 1990-х гг. только убедили их в той мысли, что Россия является фактором дестабилизации. Поэтому предположения, что Россия, ставшая для некоторых грузинских авторов универсальным Другим, оккупировала Абхазию и Цхинвальский регион, успели стать общим местом»,⁴ замечает М.В. Кирчанов.

Российско-грузинское противостояние стало константой, последовавшее вскоре за войной и соглашением Медведева-Саркози признание Россией Абхазии и Южной Осетии явилось хорошим поводом для разрыва дипломатических отношений между Москвой и Тбилиси. Некоторое время была закрыта граница, прекращено прямое авиасообщение между странами, заморожены и торгово-экономические связи, закрыт российский рынок и введен визовый режим.

Повторимся, что война 2008 г. стала финальным шагом в процессе ухудшения отношений, начавшемся вскоре после прихода к власти Саакашвили. Он демонстративно использовал антироссийскую карту и попытался разыграть ее еще раз, уже после войны, перед своими западными партнерами для получения большой финансовой помощи. Обвинения России в агрессии стали традиционными для политического истеблишмента Грузии, в т. ч. и на различных международных площадках. Торговать своей антироссийскостью стало доброй традицией и для последующих поколений грузинских политиков, и сейчас антироссийские высказывания вошли в обычный обиход и используются для привлечения общественного внимания различными политическими силами в Грузии. Острый внутривнутриполитический кризис 2019 г., связанный с «казусом Гаврилова», отлично это демонстрирует.

Период 2008-2012 гг. можно однозначно оценить как наиболее тяжелый в двухсторонних отношениях. Определенная нормализация произошла в 2013-2016 гг., т. е. в первые годы правления коалиции «Грузинская мечта» во главе с Бидзиной Иванишвили. В первую очередь, Россия снова стала основным потребителем грузинского вина, а затем и минеральной воды, при этом обратно в Грузию пошли поставки пшеницы.

³ Кирчанов М.В. Дихотомия «Европа — Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма // Международная аналитика. 2021. № 12(1). С. 40.

⁴ Кирчанов М.В. Указ. соч. С. 43.

Помимо открытия жизненно важного российского рынка для грузинской продукции, Москва приняла еще несколько позитивных шагов: было возобновлено регулярное авиасообщение между двумя странами, восстановлено нормальное автосообщение через границу, произошло облегчение визового режима для грузинских граждан. В Грузии уже действовал безвизовый режим для россиян. Это вместе с возобновлением авиасообщения быстро привело к значительному увеличению туристического потока из России⁵.

Тем не менее демонстрация России как врага стала традиционным действием политической жизни современной Грузии, и смена власти с приходом команды Иванишвили здесь мало что изменила. Подчеркнем, что смена поколений произошла и в Грузии, и России, и все меньше контакты базируются на советском прошлом и остатках советского наследия. Жители двух стран смотрят теперь друг на друга через призму, предлагаемую уже сегодняшней политической повесткой и современными политиками, которые зачастую действуют в своих интересах.

ПЕСНИ О ВИНЕ...

Заметно явное противоречие между политическими постулатами и реалиями экономической и социальной жизни Грузии, которое бросается в глаза при знакомстве со структурой ее импорта и экспорта, географией денежных переводов и т. д.

Важнейшим следствием нормализации и временной стабилизации российско-грузинских отношений стало восстановление прямого авиасообщения между двумя странами и регулярного автосообщения, а также облегчение визового режима, что, в первую очередь, привело к валообразному росту туристического потока из России. До пандемии он демонстрировал ежегодный рост показателей. Например, только в 2014 г. Грузию посетило свыше 800 тыс. российских туристов⁶, а в 2015 г. — уже 925 тыс. (+14%)⁷. В 2016 г. там побывало уже более 1 млн. туристов (+12%)⁸, а в 2017 г. — почти 1,4 млн. (+34,1%)⁹. Россияне в 2018 г. по количеству человек вообще первенствовали среди туристов других стран, посетивших Грузию. В 2018 г. там побывало около 1,5 млн. россиян, а в 2019 г., вплоть до известного всем прекращения прямого авиасообщения между странами, — еще 850 тыс. туристов из России (что составляет рост на 22% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.)¹⁰.

Еще одним заметным и ощутимым шагом стало возвращение грузинской винодельческой продукции и минеральной воды на российский рынок, которое можно назвать триумфальным, т. к. Россия достаточно быстро вернула себе пальму первенства как в импорте вина, так и минералки. Подчеркнем, что экспорт вина в Россию за последние годы серьезно вырос и демонстрировал рост практически в каждый из пяти последних лет до пандемии. Например, в 2016 г. из Грузии поступило около 27,2 млн. бутылок (что на 49% больше по сравнению с 2015 г.)¹¹, в 2017 г. — 47,8 млн. (+76%)¹², а в 2018 г. — 53,6 млн. (+12%). В 2019 г. уже 59 млн. бутылок грузинского вина поступило на российский рынок (+9% по сравнению с 2018 г.)¹³. Таким образом, Россия остается главным импортером вина из Грузии (ее доля в общем экспорте уже превысила 60%)¹⁴. На втором месте — Украина (в 2019 г. — 10 млн. бутылок, падение на 4% по сравнению с 2018 г.), на 3-м — Китай (7 млн. бутылок). Заметим, что именно за счет российского рынка вырос общий объем экспорта грузинского вина в прошлом году. Он составил 94 млн. бутылок, что на 9% больше, чем в 2018 г.¹⁵

- 5 Подробнее см.: Муханов В.М., Скаков А.Ю. Политическая стабильность по-грузински (Грузия после выборов 2016 г.) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 53–62.
- 6 Мирзаян Г. Стеклоплатный потолок. Будут ли нормализованы отношения между Россией и Грузией? // *Лента.ру* 07.06.2015. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/06/07/gruzia/>
- 7 В Грузии зафиксирован рекордный поток российских туристов // *Газета.ру*. 01.02.2016. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/news/2016/02/01/n_8195207.shtml
- 8 Точное число подсчитано Национальной администрацией туризма Грузии и оно составило 1 037 564 человека (В 2016 г. Грузию посетило рекордное количество россиян // *РИА Новости*. 4.01.2017. URL: <https://ria.ru/20170104/1485150556.html>).
- 9 В 2017 г. Грузию посетило рекордное количество туристов // *Интерфакс-Туризм*. 5.01.2018. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46282/>
- 10 Федоровская И. Политическая ситуация в Грузии за год до парламентских выборов // *Россия и новые государства Евразии*. 2019. № 4. С. 62. Туристическая сфера Грузии не достигла рекорда — статистические данные // *Спутник-Грузия*. 05.08.2019. URL: <https://sputnik-georgia.ru/tourism/20190805/246160733/Turisticheskaya-sfera-Gruzii-ne-dostigla-rekorda---statisticheskie-dannye.html>
- 11 Экспорт грузинского вина в Россию возрос почти на 50% // *ТАСС*. 4.01.2017. URL: <https://tass.ru/ekonomika/3922780>
- 12 В 2017 г. Грузия экспортировала рекордное количество вина // *Regnum*. 8.01.2018. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2365029.html>
- 13 Экспорт грузинского вина в Россию вырос на 9% // *ТАСС*. 23.01.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7586015>
- 14 Экспорт вина из Грузии в 2018 году // *Спутник-Грузия*. 22.01.2019 // URL: <https://sputnik-georgia.ru/infographics/20190122/244005858/Eksport-vina-iz-Gruzii-v-2018-godu-.html>
- 15 Экспорт грузинского вина в Россию вырос на 9% // *ТАСС*. 23.01.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7586015>

По объемам денежных переводов в Грузию Россия также занимает лидирующее место. К примеру, по итогам 2019 года общий объем денежных переводов на территорию Грузии составил 1,7 млрд. долларов США, из которых на долю России приходится 429 млн. (24,7% от всей суммы)¹⁶.

Подобное явное противоречие между текущей политической повесткой и экономической жизнью видно и по оторванности элит и их активистов от провинциальной повестки, от чаяний и надежд простых людей в регионах. Ведь весьма разросшийся за последнее десятилетие сектор НПО практически полностью зависит от западных траншей и поддержки, а не от местных изменений, т. е. независим от реальной повестки и внутренней конъюнктуры.

Ответ на логичный вопрос — почему социально-экономическая сфера и позитивный рост торгово-экономических отношений не оказывают никакого влияния на политическую сферу и внутриполитическую жизнь, на изменение в политическом классе Грузии и ее развороте в сторону Москвы — очевиден: властная, да и политическая элита Грузии в целом не зависит от внутреннего рынка и от местных производителей, она сформировалась на других началах, имеет в основном зарубежный образовательный бэкграунд и западную финансовую подпитку, если не находится на содержании у Иванишвили. Она уже привыкла работать по другим лекалам и не имеет жизненной заинтересованности в развороте курса грузинской политики. Наоборот, сложившееся экономическое положение лишь поддерживает мысль о правильности выбранного курса, а активность на российском треке (в антироссийском ключе) представляется для политико-формирующих кругов хорошо продаваемым товаром как для внутреннего, так и для внешнего пользования.

Налицо объективные ограничители развития отношений в виде негативного, конфликтного прошлого — войны и последовавшего за этим признания независимости Абхазии и Южной Осетии, что однозначно воспринимается грузинской стороной как недружественный шаг. Однако этот же негативный фон не стал серьезной помехой для развития торговых и экономических отношений между странами в последнее десятилетие, для громадного туристического потока из России, накрывшего маленькую Грузию и т. д. Таким образом, помимо объективных причин, которые видны и лежат на поверхности, стоит задуматься и о субъективных факторах, влияющих на текущее состояние отношений, а возможно, прямо ведущих к их стагнации и заморозке. Первым и главным фактором представляется смена политической элиты Грузии или ее тотальное обновление.

УХОД «ТЕРГДАЛЕУЛЕБИ»¹⁷

Что из себя представляет грузинская политическая элита сегодня, и куда она смотрит? Если говорить об общих тенденциях, присущих всему постсоветскому пространству, в том числе и Грузии, то, в первую очередь, надо говорить о смене политического класса. Очевидно, что за столь длительный срок, как 30-летие, постсоветская властная элита сильно изменилась, где-то кардинально, где-то находится в процессе эволюции, а в закрытых странах, где режим близок к диктатуре только точно, и то по решению хозяина.

Понятно, что столь важный для государственного организма процесс происходит не так и не по тем правилам, как, например, в Западной Европе и других странах с демократическими режимами. На обломках СССР мы являемся свидетелями медленной, но неизбежной смены политического класса по естественным причинам. Главное, что вместо старой, фактически советской партийно-государственной элиты во многих республиках (что касается Кавказа — то это Грузия и Армения) пришла новая, без традиционного багажа, принципа преемственности и неформальных связей молодая (и по возрасту, и политическому стажу) элита. По меткому замечанию известного российского политолога Модеста Колерова, у представителей новой элиты «нет никакой социальной близости к «коллегам» через границу, потому что их ничего с ними не объединяет. Общих мемуаров у них не будет, водку вместе они не пили и на съездах вместе не аплодировали»¹⁸.

Эти процессы пошли в полной мере в Грузии и Армении только в последние десятилетия, т. е. в границах XXI века. Постепенный, а где-то революционный, резкий уход представителей старой элиты и видных представителей бюрократического аппарата происходил одновременно с приходом во власть новых и молодых политиков и менеджеров (возрастная

¹⁶ Денежные переводы: сколько денег прислали мигранты в Грузию // Sputnik-Грузия. 17.01.2020. URL: <https://sputnik-georgia.ru/economy/20200117/247505232/Denezhnye-perovedy-skolko-deneg-prislali-migranty-v-Gruziyu.html>

¹⁷ «Тергдалеулеби» (в пер. с груз.) — испившие р. Терек, т. е. приехавшие из Грузии в Россию и получившие там образование. Так называли целую плеяду известных грузинских общественных и политических деятелей, получивших образование в ведущих российских учебных заведениях в период Российской империи (в 1860-е — 1870-е гг.), и потом вернувшихся на родину. Наиболее известные ее представители — Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Георгий Церетели, Нико Николадзе и др.

¹⁸ Сысоев Т. Матрица постсоветской элиты // Эксперт. 04.11.2019. URL: <https://expert.ru/expert/2019/45/matritsa-postsovetskoy-elity/>

группа от 20 до 40 лет). Фактически в Грузии начался процесс омоложения элиты с одновременным включением в нее ее новых членов, а также формирования новой политической культуры с новыми принципами и ориентирами. Авторитетный российский эксперт по постсоветскому пространству Андрей Рябов объясняет подобную смену глубиной политико-идеологической десоветизации, которая в различной степени затронула возникшие на обломках Союза государства. Грузию он называет одной из тех, где этот процесс «оказал значительное влияние на характер постсоциалистических транзитов»¹⁹. Рябов обращает особое внимание на события 1989 г., которые, по его мнению, стали отправной точкой последовавших кардинальных изменений: «В Грузии кровавый разгон массовой акции протеста, который был осуществлен советской армией 9 апреля 1989 г., привел к отторжению на уровне массового сознания советских ценностей и институтов. В дальнейшем, уже после «революции роз», это вылилось в деидентификацию государственного аппарата, закрепленную законом 2014 г., в котором предполагалось проведение люстраций для представителей прежней коммунистической номенклатуры. В правительстве Саакашвили уже большая часть министров и их заместителей получили образование в западных университетах или на кратковременных курсах при них»²⁰.

В Грузии традиционная советская элита ассоциировалась с фигурой Эдуарда Шеварднадзе, который имел богатый номенклатурный бэкграунд (длительный опыт пребывания на высших партийных и государственных постах, хорошие контакты как среди советского бюрократического аппарата, так и серьезные связи с теневым миром Грузии). Его возвращение на родину, охваченную Гражданской войной, многие оценивали как спасение республики²¹. Были большие надежды на то, что он наладит тесные и дружественные отношения с Москвой, которая и в 1990-е гг. представлялась важным мировым центром для постсоветского пространства.

Многие считают, что кардинальная смена как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического вектора развития произошла только при молодом и крайне амбициозном президенте Грузии Михаиле Саакашвили, что представляется неверным и далеким от реальности заблуждением²². Однако первую попытку омоложения кадров и смены элиты и внешнеполитического вектора предпринял как раз Шеварднадзе²³. Именно он привел в большую политику известную всем тройку, с которой и ассоциируется «революция роз» — Зураба Жвания, Михаила Саакашвили и Нино Бурджанадзе. Вокруг

них и возглавляемых ими структур и партий тут же появились группы еще более молодых и активных (не связанных с советской номенклатурой и не имевших связей со старыми властями).

Очевидно, что именно на постреволюционный период пришелся наиболее феерический этап смены и омоложения элиты. Томас де Ваал особо подчеркивает, что к судьбоносному 2008 году Саакашвили исполнилось только 40 лет, а его команда была еще моложе: 36-летний премьер-министр, 34-летний министр финансов, 31-летний министр иностранных дел, 29-летний министр обороны²⁴.

Именно в период Саакашвили на государственном Олимпе Грузии стали появляться люди с неизвестными доселе фамилиями, причем не все они являлись представителями молодежи. Саакашвили активно задействовал и диаспоральный ресурс. Напомним, что в 2008 г. по инициативе грузинского лидера появилось отдельное министерство по делам диаспоры, обязанностью которого стало поддержание регулярных контактов с грузинами, проживающими за пределами страны. Как замечает американский исследователь Эрик Скотт, в тогдашней Грузии члены диаспоры рассматривались как потенциальные союзники²⁵.

19 Рябов А. Недемократические переходы и типы постсоветских режимов // Царь горы. Недемократический трансфер власти на постсоветском пространстве. М., 2019. С. 23.

20 Там же. С. 24.

21 Jones S. Georgia. A political history since independence. London — New York, 2013. P. 75-76.

22 Авторитетный американский исследователь Грузии профессор С. Джонс также считает, что не стоит противопоставлять политику Шеварднадзе политике Саакашвили, как делают это некоторые исследователи, и настаивает, что фактически последний ускорил и углубил политические и экономические преобразования Шеварднадзе, включая и процесс омоложения правительственного аппарата (Jones S. Op. cit. P. XXII).

23 Известный армянский эксперт Джонни Меликян подчеркивает, что если Э. Шеварднадзе в первые годы своего правления заигрывал и с Москвой, и с Западом, то позднее именно он сделал «курс на интеграцию в европейские структуры и Североатлантический блок... основополагающим во внешней политике Грузии» (Ионова Е. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Международный круглый стол // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3. С. 93).

24 «Приход в правительство нового, уже постсоветского поколения — результат так называемой ментальной революции в Грузии. Иностранные партнеры сегодня имеют дело с группой людей, выдающихся по любым меркам: они молоды, хорошо образованы, большинство свободно владеет английским языком. Назначая министрами людей, которым нет еще сорока, Саакашвили по сути совершал «скачок через поколение», — так оценивал происходящее авторитетный эксперт (Де Ваал Т. Выбор Грузии: какой курс избрать в период неопределенности? / Пер. с англ. М., 2011. С. 15).

Отъезд из страны носил массовый характер, а вот резонансные возвращения можно пересчитать по пальцам одной руки. Именно в годы правления Саакашвили в Грузию вернулись и Каха Бендукидзе, и не такой известный тогда будущий хозяин Грузии — Бидзина Иванишвили. Появились и грузины из европейской диаспоры (наиболее яркий пример — нынешний президент Грузии Саломе Зурабишвили). Саакашвили активно использовал этнический рекрутинг, и это принесло ему ощутимые тактические успехи.

Приход новых лиц ознаменовал и окончательную смену декораций и лозунгов. Если в период Шеварднадзе старались не кричать на всех углах о повороте в сторону Европы и желании вступить в НАТО (хотя в последние годы его правления разлад с Москвой и постепенное охлаждение двухсторонних отношений шло почти одновременно с разворотом Тбилиси в сторону Брюсселя и Вашингтона), то с 2004 г. западный курс был объявлен главной стратегической целью новой команды, и отношения с Москвой стали вначале медленно, а потом и быстро катиться под откос.

Интересно, что ставка на репатриантов сыграла только в краткосрочный период, когда, благодаря их усилиям, в разы увеличился приток инвестиций и выросла поддержка Запада. Однако второй президентский срок Саакашвили был напрочь испорчен крахом 2008 г. и ростом протестных настроений в обществе, а затем и потерей популярности. Жесткие подавления антиправительственных акций постепенно сделали свое дело, испортив его репутацию демократа. Ряд соратников Саакашвили отошел от него, превратившись в его главных критиков и политических оппонентов. Это касается и Нино Бурджанадзе, и Саломе Зурабишвили. Но главный удар ждал его впереди...

Один из топ-репатриантов, сын чиатурского шахтера и крупный российский бизнесмен (поднявшийся в лихие 1990-е) Бидзина Иванишвили, обиженный принижением его роли и неблагодарностью Саакашвили за серьезную финансовую поддержку, бросил ему вызов и достаточно быстро, в течение года, фактически снес его власть. Сначала наспех сколоченная пестрая коалиция «Грузинская мечта» нанесла обидное поражение партии Саакашвили — «Единому национальному движению» — на парламентских выборах 2012 г., а в 2013 г. и поставила своего кандидата — читай, кандидата Иванишвили — на пост президента Грузии. Вместо яркого и амбициозного Саакашвили на этой позиции очутился известный тогда в узких кругах Георгий Маргвелашвили. Целую группу соратников Саакашвили посадили по уголовным статьям, а

экс-президент был вынужден, спасаясь от судебного преследования, бежать из страны.

Весьма показательно, что вновь политику в Грузии делала не какая-либо прогрессивная программа, поддержанная большинством граждан, а харизматический лидер, который просто оседлал протестное движение и направил его по нужному для себя пути. Отметим, что у Иванишвили на тот момент не было никакой четкой программы действий, в начале политического пути у него не было и широкой поддержки населения. Просто последнее, устав от кульбитов Саакашвили, выбрало альтернативу в лице Иванишвили. Иного выбора у простых граждан Грузии на тот момент просто не было.

Парадоксально, но в Грузии, невзирая на полную смену правительственной команды, практически сохранилась старая политическая повестка, что говорит только об узком политическом мышлении грузинских элит. Создается устойчивое впечатление, что старая команда перед своим уходом фактически передала новой политической повестку, эдакие скрижали, на хранение и последующую реализацию.

Временно активизировав контакты с Москвой и улучшив социально-экономический трек, команда Иванишвили достаточно быстро вернулась на исходные позиции, ибо не была готова качественно менять вектор внешнеполитической активности. Российский фактор по-прежнему используется и во внутривнутриполитической жизни, дабы минимизировать разговоры на более острые социально-экономические темы. Заметно, что членам администрации Иванишвили нечего предложить в этом направлении, что и заставляет их по сути идти на поводу у нынешних оппозиционных сил — читай, у вчерашней правящей партии и ее союзников.

Новое поколение, которое влилось в политический истеблишмент Грузии, имеет другое воспитание и зачастую западный образовательный бэкграунд (почти у всех дипломы европейских или американских вузов, у многих степени, также полученные за рубежом)²⁵. Показательно, что выпускников российских вузов практически нет, или это представители среднего поколения, как бывший премьер-министр Грузии Георгий Гахария, который и не скрывает, что имеет диплом МГУ (но это исключение из правил).

²⁵ Scott, Eric. *Familiar strangers. The Georgian diaspora and the evolution of Soviet empire*. Oxford, 2016. P. 252.

²⁶ Мосаки Н. Образовательный бэкграунд властной элиты Грузии и российско-грузинские отношения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 9. С. 100-101.

Подчеркнем, что сегодня существует неформальный образовательный ценз для грузинских политиков и чиновников — это западное или, на крайний случай, грузинское образование. Российский диплом не просто не в моде, он превратился в своеобразную черную метку. Политики, в биографии которых есть российский вуз, вынуждены оправдываться или рассказывать показательные легенды. Яркий пример — это поведение Елены Хоштария, одного из лидеров оппозиционной партии «Европейская Грузия». Она известна несколькими эпатажными акциями в грузинском парламенте, в частности, включением в ходе заседания гимна СССР. На вопрос о своем образовании она ответила журналистам, что «к сожалению, мне пришлось обучаться в России, так как у меня не было денег на учебу в Европе. Но я получила очень важный опыт, как обучают в лагере врага»²⁷ (заметим, что Хоштария обучалась в одном из самых дорогих и престижных вузов России, и происходило это в 1990-е гг., когда российско-грузинские отношения были близки к дружественным и находились на высоком уровне взаимодействия и сотрудничества).

Помимо определенного образовательного багажа, представители нового поколения имеют отличный набор контактов и целеполагания, иные планы на будущее и видение персонального роста, причем не только карьерного. Как справедливо замечает Н. Мосаки, «образовательный бэкграунд современной грузинской властной элиты не только не сближает Грузию с постсоветской Россией, но и все более удаляет страны друг от друга, дает серьезный импульс к критическому настрою Тбилиси в отношении Москвы. Может меняться риторика грузинских властей, могут ослабевать или вообще сходить на нет их авантюристические наклонности, однако объективные факторы различия грузинской и российской властных элит едва ли преодолимы»²⁸.

Все это отражается на незыблемости внешнеполитического курса, выбранного давно и фактически подпитываемого приходом нового, не связанного с прошлым, т. е. с советским наследием, поколения. Показательно, что переход власти от одного харизматического лидера к другому никак не изменил ключевые политические (в первую очередь, внешнеполитические) приоритеты. Особенностью политической жизни Грузии является явственно видимая тенденция: старая правительственная команда времен Саакашвили и первых лет Иванишвили ушла в неправительственный сектор (очень развитый, разветвленный и многочисленный), плотно и уверенно сидящий на западных траншах, и именно оттуда продолжает диктовать политическую повестку и серьезно влиять на общественно-политическое мнение в стра-

не. Имеющаяся на сегодняшний день альтернатива практически не озвучивается, более того, занесена в список маргинальных и опасных тем, плотно прикрыта «красными линиями» и фактически отложена политическим классом за ненадобностью. Как откровенно заявил несколько лет назад один из лидеров Республиканской партии Леван Бердзенишвили, «если кто-то в стране или за рубежом серьезно надеется на то, что Грузия, наполненная американскими или европейскими деньгами, вдруг повернется к России, то это не только глубоко ошибочное мнение — это явное заблуждение, которое просто смешно»²⁹.

Таким образом, приход новой политической элиты в Грузии вместе с новыми амбициозными лидерами, ориентированными на Запад, представляется одним из ключевых факторов в деле охлаждения и ухудшения российско-грузинских отношений. Несмотря на благоприятно складывающиеся экономические связи и фактор диаспоры, взаимоотношения с Москвой значительно уступают по степени приоритетности другим внешнеполитическим трекам Тбилиси (американскому и европейскому), что не позволяет надеяться на качественное улучшение двухсторонних отношений как в ближнесрочной, так и среднесрочной перспективе. Признаем, что в ситуации, когда грузинский политический класс формируется и цементируется за счет западных фондов и не базируется на внутреннем финансировании, позитивное развитие торгово-экономических отношений России и Грузии не будет оказывать серьезного влияния на политический трек. 2008 год окончательно завершил расхождение сторон по разным направлениям и превратил двусторонние отношения в остроконфронтационные...

МИШИКО ВМЕСТО МИМИНО

Ностальгия по советскому прошлому в Грузии была достаточно сильной после окончания первых конфликтов и войн 1990-х гг. и вплоть до конца 2000-х гг. Известный литературовед Е. Чхаидзе замечает, что именно тогда «в свет стали выходить тексты на русском языке, связанные с воспоминаниями и ностальгией по советской Грузии»³⁰.

27 Лидер грузинской оппозиции назвала учебу в МГИМО «опытом в лагере врага» // Взгляд. 3.03.2020. URL: <https://vz.ru/news/2020/3/3/1026818.html>

28 Мосаки Н. Указ. соч. С. 101.

29 Цит. по: Маркедонов С., Скаков А. Постсоветская Грузия: от турбулентности к стабильности и предсказуемости // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М., 2017. С. 140. С. 15).

Затем ностальгию быстро сменила тема давнего врага и многовекового противостояния России. Очевидно, что эта тема во многом искусственно навязана теми источниками информации, которые имеют большинство жителей как России, так и Грузии. По-прежнему велика роль ТВ и традиционных медиа (СМИ), к которым привыкли представители старшего и среднего поколения. Они манипулируют сознанием и формируют массовое сознание, внедряя нужную им позицию.

Это касается как политического бомонда и журналистского пула, так и творческого сообщества Грузии. Е. Чхаидзе подчеркивает, что «августовская война стала толчком к введению словосочетания «русско-грузинская война» в литературе, оно не существовало ранее ни в истории, ни в литературоведении. Войной закончилась напряженность постсоветского периода, когда российское/русское не констатировалось как главная составляющая (имеется в виду грузино-абхазская война или грузино-югоосетинская война). Писатели, уже в новом контексте обращающиеся к русско-грузинским отношениям, перешли от передачи лозунгов, протестных высказываний, за которыми пряталось недовольство социума, к четкому обозначению конфликта»³¹. Она резюмирует основные тенденции: «Новое поколение авторов объединяет схожие литературные приемы и тенденции: во-первых, продолжается традиция грузинских классиков в изображении России как страны-угнетательницы; во-вторых, не прекращается тема насилия; в-третьих, грузинские писатели начинают описывать ход боев именно с российскими войсками; в-четвертых, риторика сомнений и завуалированности ранних текстов сменяется неприкрытой критикой поколения, сформировавшегося в постсоветский период, не помнившего грузинского экономического благополучия позднесоветского периода, раненного постсоветскими войнами»³². Современные грузинские гуманитарии и писатели стали активно поддерживать версию длительного противостояния с Россией (на протяжении столетий). Например, современный грузинский писатель Давид-Дефи Гогибедашвили в романе «Сады» (2010) прямо пишет о том, что противостояние с «империей» — это война, длящаяся уже десятилетия, а в уста одного из героев он вкладывает следующую фразу: «Я-то видел их цинизм, и все видели на протяжении этих двухсот лет»³³.

* * *

Первые десять-пятнадцать лет после развала Советского Союза были еще сильны старые связи, как родственные, так и профессиональные, многие контак-

тировали с друзьями, коллегами и родственниками, границы являлись незначительным препятствием, все виды сообщений действовали, не представляло никакого труда совершить поездку в одном или другом направлении. Советские образы тоже играли свою роль.

Однако со временем стала стираться регулярная связь между столицами и в целом между республиками бывшего Советского Союза, и сейчас, спустя 30 лет, налицо тенденция дальнейшего расхождения (или окончательного размежевания). Уход советской эпохи и приход времени независимости и поиска национального пути развития повлек за собой неизбежную смену поколений и постепенное отчуждение соседних народов и наций друг от друга. Сменились не только поколения, но и их ориентиры, ценности и, естественно, приоритеты как в политическом, так и культурном развитии.

Заметно сократилась в Грузии и зона присутствия русского языка. Как справедливо замечает филолог Мирья Лекке, «падающий интерес и антирусские настроения способствовали закрытию русских школ и других секторов образования и науки в Грузии. Русский язык был поставлен на одну ступень с другими иностранными языками — в рамки ранее неизвестной ему конкуренции. <...> Русский язык перестал играть роль проводника и посредника (т. е. языка, через призму которого воспринимается еще не переведенная литература)»³⁴.

Хрестоматийная смена поколений, которая как ураган унесла куда-то вдаль все старые образы грузин, забрав с собой яркие фигуры, ассоциирующиеся в российском сознании с Грузией и ее жителями. Старшее поколение с удовольствием вспоминает летчика Мимино в исполнении Вахтанга Кикабидзе и других ярких грузинских артистов, певцов и спортсменов, тогда как молодое поколение не может определиться со своими симпатиями и ассоциациями. Современный ряд ассоциаций крайне скуден и представлен Николаем Цискаридзе и Этери Тутберидзе. Грузинская палитра свежих образов пуста. Многие вспоминают одиозного президента Грузии

³⁰ Чхаидзе Е. Политика и литературная традиция: русско-грузинские литературные связи после перестройки. М., 2018. С. 278.

³¹ Чхаидзе Е. Указ. соч. С. 259.

³² Там же.

³³ Цит. по: Чхаидзе Е. Указ. соч. С. 261.

³⁴ Лекке М. Русско-грузинские литературные связи и наука о них в социальном контексте // Россия — Грузия после империи: сборник статей. М., 2018. С. 49, 50.

Михаила Саакашвили, с которым и ассоциируется резкое ухудшение отношений, пик ненависти и сам конфликт 2008 г. Признаем, что данная тенденция, когда на смену таким ярким и светлым образам, как Мимино, приходят политические персонажи (например, Саакашвили, жующий свой галстук), выглядит весьма удручающей и безрадостной. Символично, что, попрощавшись с Мимино, мы фактически попрощались с собирательным образом старой Грузии, взамен которого за 30-летний период по большому счету ничего и не появилось.

ЧАСТЬ 2.

РАССМАТРИВАЯ ДРУГ ДРУГА...

Отчуждение между российским и грузинским обществом закономерно достигло своей нижней точки в 2008 г., что, бесспорно, требует анализа умонаторений обществ двух стран, их направленности и динамики. В связи периодическое проведение соцопросов как в России, так в Грузии, и рассмотрение их результатов за более чем десятилетний период, прошедший после жаркого августа 2008 г., представляется крайне важным и нужным.

Анализ результатов опросов за предыдущие годы позволит провести сравнение и выявить изменение восприятия в обществах двух стран, основные чаяния и прогнозы, зафиксировать динамику или ее отсутствие. И у нас есть такая возможность...

Как изменилось восприятие России в Грузии по прошествии 30 лет независимого существования и уже более чем 12 послевоенных лет? Какие ключевые факторы и угрозы видят жители Грузии в отношениях с Россией? Крайне интересно также понять и место Грузии в умах и восприятии россиян сегодня. Ушло ли в небытие советское прошлое и советское наследие? Насколько хорошо россияне осведомлены о тех процессах, которые идут в Грузии, и как они их оценивают?

Ответы на все эти вопросы или хотя бы на часть из них позволят разобраться с тем, какое место тема России занимает в Грузии и насколько последняя присутствует в общественно-политическом дискурсе в самой России.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТАРЫЕ ОПРОСЫ...

Подобные проекты стали возможны через несколько лет после войны. Крайне интересный и показательный опрос был проведен сразу в двух странах в конце 2015 — начале 2016 гг. («Левада-Центр»³⁵ и грузинская исследовательская компания Gorbi)³⁶.

Первое и главное отличие между ответами жителей двух стран — это какое место и роль в жизни играет страна-сосед, т. е. замер уровня интереса. Здесь есть важнейший момент, который и зафиксировали опросы: «уровень знаний и интерес населения Грузии к России значительно выше, чем интерес россиян к Грузии». Показательно, что доля грузин, обладающих глубокими или достаточными знаниями о России оказалась более чем в 2 раза больше, чем аналогичный показатель среди россиян — 75% против 32%. Таким образом, у россиян еще несколько лет назад преобладало безразличное отношение к Грузии и явно отсутствовал большой интерес к ней.

Следующий важный аспект — это значительные расхождения среди возрастных групп по степени информированности. Старшее поколение (55+) в обеих странах оказалось более осведомленным, чем молодежь (18–24 года). В России суждение «Я много знаю о Грузии» поддержало только 2% молодежи и 11% старшего поколения, тогда как в Грузии аналогичное суждение о России получило 19% от молодежи и 35% от поколения старше 55 лет.

Еще 40% старшего поколения и 50% молодежи в Грузии выбрали суждение о желании узнать о соседке больше. Тогда как в России аналогичное суждение вызвало поддержку среди обеих возрастных групп в районе 25%.

Российская аудитория в значительном числе выбрала установку малого знания о Грузии. На ней остановилась почти половина пожилых россиян (47%) и 38% молодежи. Аналогичные показатели в грузинской аудитории гораздо ниже (25% у молодежи и 15% у старшего поколения). 28% российской молодежи

³⁵ АНО «Левада-Центр» включен Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент» (здесь и далее).

³⁶ Российско-грузинские отношения в представлениях жителей двух стран // levada.ru. 14.06.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/06/14/13612/>.

согласилось с полным отсутствием интереса к Закавказской республике. В докладе «Левада-Центра» делается простой вывод: «молодежь в России гораздо меньше знает о Грузии, чем их сверстники из Грузии знают о России».

Еще один важный аспект, подмеченный социологами в 2016 г., — это наличие образовательного ценза. Чем выше уровень образования, тем выше степень информированности. Особенно четко это прослеживается в Грузии, где 43% людей с высшим образованием заявили о том, что много знают о России. Следующий базовый вопрос — это источники информации о соседнем государстве. На первом месте для жителей обеих стран стояли государственные отечественные СМИ (причем, если этот выбор сделан 32% грузинской аудитории, то в России его поддержала почти половина опрошенных — 48%). Показательно, что если для Грузии доли обратившихся за информацией как в государственные СМИ, так и в независимые, равны (по 32%), то жители России смотрят независимые СМИ почти в 2,5 раза меньше, чем государственные — 48% против 20%. На 3-м месте стоит Интернет (здесь схожая ситуация): 15% — в России, 17% — в Грузии.

Еще одним традиционным путем получения информации является общение с родственниками и друзьями, проживающими в соседней стране или посещавшими ее (3% — для российской аудитории, 9% — для грузинской). «Левада-Центр» сделал вывод о том, что «это подтверждает более активный интерес жителей Грузии к России, их вовлеченность (пусть даже косвенную и незначительную) в культурное поле России».

В этой связи интересны ответы на следующий перекрестный вопрос: «Как вы считаете, сегодняшняя Россия и Грузия являются страной какой культуры?». Достаточно невысокий процент опрошенных в двух странах считают, что сосед является страной европейской культуры — всего 8% россиян и 19% грузин (только пятая часть). Примерно по четверти опрошенных в России поддержали варианты «Грузия — страна восточной культуры» (24%) и «Грузия — страна восточно-европейской культуры» (26%). Интересный вариант «Грузия — это страна «особой» культуры, отличной от всех остальных» поддержали всего 16%. Показательно, что аналогичный вариант в отношении России вызвал значительную поддержку грузинских жителей — 42%³⁷.

Крайне любопытны и конфессиональные характеристики соседей. Доля жителей Грузии, считающих, что Россия, в первую очередь, православная страна — 46%, тогда как аналогично оценили Грузию в России

всего 21%. Примерно же такой процент россиян за варианты «Грузия — христианская страна» (24%) и «Грузия — многоконфессиональная страна» (22%). Еще четверть (25%) вообще не смогла обозначить конфессиональный портрет Грузии. Все это лишний раз показывает низкий уровень знаний россиян о соседней стране (что и зафиксировал «Левада-Центр» еще в 2016 г.). Специалисты Центра пришли к еще одному интересному выводу: «Низкий уровень убежденности россиян в том, что соседнее государство также является членом «православного цивилизационного кода», на наш взгляд, не позволяет сопротивляться росту негативного восприятия Грузии среди граждан России, особенно в периоды обострения межгосударственных отношений (наиболее показателен рост негативизма в 2008 году)».

В 2016 г., согласно опросу, среди россиян и грузин доминировал позитивный образ соседнего государства и его жителей. Хорошее отношение россиян к Грузии зафиксировано у 58%, аналогичное отношение у грузин — на уровне 67%. Позитивное отношение к жителям соседней страны гораздо выше, чем к государству: 71% — у россиян, 91% — у грузин.

Чаще всего респонденты оценивали отношение своих сограждан к соседнему государству как «нормальное» или «спокойное» (42% — россияне, 32% — грузины), затем следовали характеристики «хорошо» и «по-соседски» (19% — россияне, 18% — грузины). При этом граждане Грузии гораздо чаще характеризовали отношение сограждан к России как негативное — «напряженное» (18%) или «враждебное» (4%). В отрицательном отношении к Грузии российских граждан уверены только 6% россиян. Таким образом, опрос «Левада-Центра» зафиксировал, что пять лет назад доминировало положительно-нейтральное отношение к соседям, тогда как негатив разделяло не более 1/5 населения.

Еще один важный момент: как руководство России и Грузии относится друг к другу. Грузинские респонденты убеждены в негативном восприятии Грузии российским руководством — 41% («напряженно» — 24% + «прохладно» — 17%). По мнению авторов доклада, «подобная оценка обусловлена тем, что последствия российско-грузинского конфликта для

³⁷ Интересное сравнение, предложенное российскими социологами в докладе: «Эти данные перекликаются с результатами всероссийских опросов «Левада-Центра», в которых большинство россиян (56%) также полагают, что Россия должна «идти по своему собственному особому пути», т. е. представления жителей Грузии о России совпадают с представлениями россиян о культурной идентичности своей страны».

грузинского общества более значимы и устойчивы, чем для россиян». Россияне же в большинстве оценивают действия своего руководства по отношению к соседу как «нормальное» (40%) и «хорошее» (17%). Также россияне менее негативно оценивают и руководство соседней страны, чем те же жители Грузии.

Отдельная чувствительная тема — это отношение россиян и грузин к прошлому. Вопрос о реакции на распад Советского Союза в 1991 г. вызвал различное отношение: среди жителей Грузии преобладает позитивная оценка распада СССР, тогда как большинство россиян сожалеет об этом (жители России: 53% сожалеют, 31% — нет, 16% — без ответа; жители Грузии: 41% сожалеют, 46% — нет, 12% — без ответа).

Вопрос о том, с кем надо сотрудничать для пользы вашей страны, тоже принес существенные различия в ответах (жители России: 10% — за сотрудничество с ЕС, 27% — за сотрудничество с ЕЭС, 54% — с теми и другими; жители Грузии: 35% — сотрудничество с ЕС, 17% — сотрудничество с ЕЭС, 41% — с теми и другими). Для Грузии приоритетом является европейский путь.

Понятная внешнеполитическая ориентация на Запад, выраженная у значительной части грузинского населения, отражается и в ее образовательной стратегии. 87% жителей Грузии хотели бы сами обучаться в западных учебных заведениях либо отправить туда на учебу детей (подавляющее большинство опрошенных). Тогда как доля россиян, сделавших аналогичный выбор, в 2,5 раза меньше и составляет всего 36% (среди которых доминирует молодежь 18–24 лет, где 49% хотели бы учиться на Западе). В Грузии же нет возрастных различий по этому вопросу: старшее поколение, как и молодежь, связывает будущее своих детей с Западом.

Напомним, что пик негативных настроений в России по отношению к закавказской республике закономерно пришелся на период августовской войны 2008 г. между странами, когда свыше 60% воспринимали Грузию как враждебную страну. Тогда как в 2016 г., согласно докладу «Левада-Центра», таких осталось только 11%. Подчеркнем, что это самый низкий показатель негативных настроений россиян к Грузии с 2005 г.³⁸

В 2018 г. сотрудники «Левада-Центра» в ходе Всероссийского опроса задавали вопросы и по грузинской тематике (приуроченные к 10-летней годовщине августовской войны) и получили интересные ответы³⁹.

Первый показательный вопрос был о знании событий десятилетней давности, и только 23% опрошенных заявили о хорошем знании тех событий. Тогда как

более половины опрошенных — 56% — признали, что «что-то слышали об этом», а 18% — «впервые слышат об этом». Подобный расклад руководитель Центра Лев Гудков объяснил «отсутствием информации о Грузии после войны»⁴⁰.

Основная ответственность за развязывание войны и конфликта, по мнению респондентов, лежит на руководствах Грузии (34%) и стран НАТО (24%). Всего 5% опрошенных возлагают вину за конфликт в августе 2008 г. на российское руководство, а 3% — на лидеров Абхазии и Южной Осетии. Еще 20% поддержали мнение, что виноваты «все в равной мере».

Третий вопрос касался оценки действий российского руководства, где давалось несколько вариантов ответа. 59% разделяют мнение, что «российское руководство сделало все возможное, чтобы не допустить кровопролития». 22% считает, что «российское руководство поддалось на провокацию с грузинской стороны и дало вовлечь себя в этот конфликт». Виноватым в разжигании конфликта российское руководство называет всего 4% опрошенных.

Дополнительно были предоставлены ответы на этот же вопрос за прошлые годы, что позволило выстроить определенную динамику отношения россиян. Показательно, что процент считающих российскую сторону виновной в развязывании конфликта, практически не поменялся, он как был 4% в 2008 г., таким и остался через 10 лет. Тогда как мнение, что «российское руководство сделало все возможное, чтобы не допустить кровопролития» стало поддерживать меньше людей (в 2008 г. — 70%, в 2010 г. — 64%, в 2018 г. — 59%). Вариант, что «российское руководство поддалось на провокацию с грузинской стороны и дало вовлечь себя в этот конфликт», разделяет чуть больше опрошенных, чем 10 лет назад (в 2008 г. — 16%, в 2010 г. — 15%, в 2018 г. — 22%)⁴¹.

В 2019 г. в ходе очередного Всероссийского опроса по оценке отношений России с другими странами

38 Негативное отношение россиян к Грузии снизилось до минимума с 2005 г. // РБК. 14.06.2016. URL: <https://www.rbc.ru/society/14/06/2016/575ad4f09a79470da2fbc32d>.

39 Август 2008 г. // levada.ru. 06.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/06/avgust-2008-goda/>.

40 Граждане не простили Грузии 2008 года // Коммерсант. 06.08.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3706554>.

41 Август 2008 г. // levada.ru. 06.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/06/avgust-2008-goda/>.

42 Отношение к странам // levada.ru. 10.09.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/10/otnoshenie-k-stranam-4/>.

среди прочих был задан и вопрос «Как Вы относитесь к Грузии?»⁴². Отметим, что в отношении к Грузии заметного изменения общественного мнения не произошло. Согласно данным «Левада-Центра», очень хорошо к Грузии относятся 7% россиян, в основном хорошо — 42%, т. е. положительное отношение к Закавказской республике продемонстрировала почти половина россиян. При этом предыдущий замер, проведенный в июле 2018 г., выявил практически идентичные показатели: очень хорошо — 5%, в основном хорошо — 41%⁴³.

Таким образом, можно зафиксировать, что положительное отношение к Грузии и ее жителям среди россиян в целом сохранилось, невзирая на негативный политический фон.

НОВОЕ ПОГРУЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ...

С помощью свежих опросов 2021 года в России и Грузии мы попытаемся проверить, сохранились ли вышеуказанные тенденции или есть качественные изменения. Опросы были проведены примерно в одно и то же время в разных уголках России и Грузии по инициативе и поддержке Фонда им. Фридриха Эберта. В России опрос был проведен Институтом сравнительных социологических исследований (ЦЕС-СИ), в Грузии — «Кавказским центром исследовательских ресурсов — Грузия» (CRRC / КЦИР) по заказу Грузинского фонда стратегических и международных исследований (GFSIS). Бесспорным плюсом проекта, реализованного в двух странах, представляется реализация как количественных, так и качественных исследований. Важно, что в фокус-группы попадали люди не только из столичных и крупных городов, среди участников были люди как из городской, так и из сельской местности (с национальных окраин России — из республик Северного Кавказа; из пестрых регионов Грузии — Джавахетии и Аджарии).

Можно признать, что рассматриваемый опрос «Образ Грузии глазами россиян», проведенный ЦЕССИ в феврале — марте 2021 г., гораздо шире, чем многие предыдущие, как по палитре задач, так и по широте и количеству представленных вопросов. Отметим, что там было несколько тематических блоков вопросов, сконцентрированных по важным направлениям:

- восприятие государства Грузии и его жителей;
- отношение к внутренней политике Грузии (т.е. требовалась оценка внутривнутриполитической ситуации в самой Грузии);

- источники информации о Грузии (их выявление, распределение по степени их использования и доверия к ним, их разнообразие и выбор);
- отношение к российской внутренней и внешней политике (в особенности в Грузии);
- оценка текущего состояния и ретроспективный анализ российско-грузинских отношений, причины их ухудшения и рассмотрение их дальнейшей перспективы;
- территориальные конфликты с участием Грузии и нынешнее положение в Абхазии и Южной Осетии;
- республики Северного Кавказа и Грузия. Данный блок был запланирован для выяснения различий восприятия Грузии на российском Северном Кавказе, являющимся ее традиционным соседом (их схожесть и различия, особенности, а также уровень взаимного знания и связей). Здесь крайне интересен ответ на вопрос, помогает ли географическое соседство лучшему знанию и пониманию Грузии и ее жителей.
- Схожий опрос — «Образ России глазами грузин» — был проведен в Грузии примерно в те же временные сроки. Несмотря на отсутствие идентичности в виде вопросов, их количестве и направленности, мы можем провести определенное сравнение по ряду ключевых позиций и даже попытаться выстроить некоторые параллели.

* * *

В ходе сравнения ответов респондентов и рефлексии участников фокус-групп вырисовывается целый ряд сходного восприятия по серии вопросов и одновременно выявляются существенные различия по другим темам.

Начнем с моментов сходства и идентичной реакции. Во-первых, базовые вопросы об отношении к соседней стране, ее жителям, а также к ее политике вызвали схожую реакцию. Можно отметить, что позитивное отношение к людям гораздо выше, чем к государству и его политической линии. Это отношение сохранилось как у российской, так и у грузинской аудитории (вспомним о предыдущих опросах, упомянутых выше). Процент негатива присутствует, но он невысок, несмотря на неблагоприятный политический фон.

Отношение россиян как к Грузии, так и к ее жителям в основном нейтрально-позитивное. При этом к жите-

⁴³ Россияне стали дружелюбными неевропейцами // Коммерсант. 10.09.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4087909>.

лям отношение более позитивное, чем к государству: положительное — 38%, нейтральное — 49%; к самой Грузии: положительное — 30%, нейтральное — 52%.

Показательно, что подобная реакция Грузии и ее жителей в принципе не выбивается из единого восприятия россиян стран Закавказья — Армении, Азербайджана и Грузии. В докладе ЦЕССИ, базирующемся на общении в фокус-группах, особо отмечается, что «все страны Закавказья воспринимаются россиянами схожим образом — в целом позитивно, но с преобладанием нейтральных чувств, осторожности или равнодушия. Это принципиально отличается от отношения россиян, например, к Беларуси, по отношению к которой большинство опрошенных испытывают позитивные чувства».

Различия в восприятии соседей в разных возрастных группах есть. Если в российской аудитории молодежь более позитивно относится к Грузии и ее жителям, то в закавказской республике все наоборот. Там преобладает положительное восприятие соседей среди людей старшей возрастной группы (см. ниже в различиях).

В России 42% молодежи положительно относится к жителям Грузии и 33% — к самой стране, при подавляющем проценте нейтрального отношения — 54% и 60% соответственно (и минимуме негатива). Старшее поколение (55+) позитивно оценивает жителей (38%) и саму Грузию (29%), доля нейтрально настроенных меньше, чем среди молодежи, но тоже значительна — 40% и 44% соответственно. Выше в этой группе и уровень негатива — 14% и 22%⁴⁴.

В Грузии более половины опрошенных (52%) положительно настроены к россиянам, 39% — нейтрально и только 7% имеют негативное восприятие. Грузинские социологи отмечают, что «позитивное отношение в основном связано с личными или профессиональными связями, взаимными привязанностями между русскими и грузинами и близкими отношениями в прошлом».

К российскому государству отношение в Грузии на порядок хуже: чуть менее половины (45%) относятся отрицательно, 34% — нейтрально и только 18% — положительно. Интересные различия выявлены в зависимости от типа населенного пункта (заметим, что в России нет серьезных различий между оценками жителей столицы, крупных городов и сельских поселений). В Грузии наибольший негатив к соседней стране распространен в Тбилиси (59%), затем в других городах (46%), тогда как в сельских поселениях он на порядок ниже (36%).

Существует особое отношение к Грузии как туристическому и гастрономическому направлению. Столь стойкие ассоциации россиян показывают ключевые слова во всех фокус-группах: «грузинские вина», «грузинская кухня», «красивая природа», «отличный ландшафт», «теплое гостеприимство» и т. п.). Приведем одно из ярких, но хрестоматийных мнений о Грузии от участника российской фокус-группы: «Народ Грузии — это хорошая кухня, дружелюбие, тебя всегда примут в гости, накормят хорошо, посадят за стол. Дружелюбие, еда, горы. Там сказка, я считаю» (мужчина до 35 лет из крупного российского города).

Миролюбивое отношение зачастую базируется на личном опыте и контактах (родственники, друзья, коллеги), а также на том, что у старшего поколения более высокий уровень знания ретроспективы отношений между двумя народами и государствами. Особо подчеркнем, что все вышеперечисленное подпитывает хорошее и положительное восприятие жителей соседнего государства, тогда как к самому государству и его политической практике отношение настороженное, зачастую просто негативное.

Похожая ситуация в обеих аудиториях с ассоциативным рядом. Если ранее россияне часто называли летчика Мимино в исполнении Вахтанга Кикабидзе (из одноименного фильма Георгия Данелия), вино и туризм, то сейчас остаются только туристические и гастрономические ассоциации, базирующиеся исключительно на личном опыте (поездки или общение с родственниками и друзьями, которые там были), т. е. свежий и недавний опыт. Положительную рефлексию вызывают и некоторые известные грузины, живущие в России и сделавшие себе в этой стране имя — Николай Цискаридзе, Валерий Меладзе, Тамара Гвердцители, из новых знаменитостей — тренер по фигурному катанию Этери Тутберидзе. Однако никто из них не стал, как Мимино, «главным грузином» или своеобразным «лицом Грузии». Его уход из ассоциативного ряда символизирует окончательное расставание со старым советским прошлым, откуда и пришел столь полюбившийся многим поколениям образ.

Быстрые ассоциации с Грузией начинаются и заканчиваются образом экс-президента Михаила Саакашвили, ставшего ярким медийным персонажем

⁴⁴ «Отрицательное отношение к современной Грузии многие респонденты объясняют негативным отношением грузин к России, русофобией <...> жители Грузии настроены к России и россиянам холодно и враждебно...» (из доклада ЦЕССИ). Многие обвиняют в этом экс-президента Грузии Михаила Саакашвили, например, есть такое мнение: «[В связи] с политикой Саакашвили много русофобии в Грузии».

(многие вспоминали его, жуящего галстук во время телефонного разговора). В современной Грузии тоже есть проблема с четкими ассоциациями по отношению к России, помимо банальных — сосед, враг, северная империя и т. д. Наиболее известный персонаж, прочно связанный с Россией в глазах грузин, — это Владимир Путин. Т. е. политические ассоциации доминируют в сознании жителей, яркой палитры героев или антигероев нет (что лишний раз показывает низкий уровень знания и интереса друг к другу, снижение уровня контактов и их интенсивности).

Таким образом, негатив, в основном, концентрируется по отношению к политическому треку, т. е., в первую очередь, к официальной грузинской и российской политике. Например, грузинскую политику многие россияне называют недружественной, аналогичная характеристика доминирует и во мнениях грузин о современной российской политике на Кавказе и, в особенности, по отношению к Грузии. Основные претензии респонденты предъявляют именно к политическим элитам двух стран, которые в их представлении и являются основными виновниками ухудшения отношений (дескать, не могут или не хотят договориться).

Еще один важный момент — это уровень текущих знаний о соседях (уровень информированности). Сразу надо сказать, что как в России, так и в Грузии он оставляет желать лучшего. Многие респонденты в фокус-группах часто признавались, что у них крайне мало информации о современной жизни соседнего государства и соседей. Российские участники зачастую путают между собой конфликты с участием Грузии, не владеют ни важными фактами, ни деталями грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов, ни событийной канвой российско-грузинских отношений. В докладе ЦЕССИ справедливо отмечено: «Фокус-группы показали, что мнение россиян о внутренних делах в Грузии в большей степени основано на догадках, аналогиях с другими странами, общей логике развития региона, а не на конкретных фактах или информации о жизни страны».

Количественные данные только подтверждают эту печальную тенденцию. Опрос показал, что «информированность россиян о текущем положении в Грузии, о том, как живут люди в Грузии и что происходит в этой стране, очень низкая». Более половины опрошенных в России не смогли вообще ответить, в каком направлении — правильном или неправильном — развивается Грузия (51%). Очень небольшое количество респондентов ответили, что хорошо информированы о ситуации в соседней

республике — всего 14%, более половины — 56% — мало знают, а 27% признались, что вообще ничего не знают о Грузии. Еще один важный вывод доклада ЦЕССИ: «В целом представления респондентов о жизни в Грузии разрознены, фрагментарны и, так или иначе, акцентированы на внешней политике грузинских лидеров».

Различается уровень информированности возрастных групп: Грузия меньше интересна молодежи, тогда как старшее поколение считает, что больше знает о ней (39% молодого поколения ничего не знают о соседях, 49% — мало знают, только 13% хорошо осведомлены; поколение старше 55 лет: 21% ничего не знает, 61% — мало, 13% — достаточно). Прогнозируемо различается и уровень знаний жителей России в зависимости от типа поселений: жители столицы и крупных российских городов считают себя лучше информированными, чем жители сельских поселений и малых городов.

В Грузии на аналогичный вопрос — в каком направлении развивается Россия — вообще не смогли ответить 30%. По уровню информированности распределение следующее: более трети опрошенных (37%) признались, что ничего не знают о событиях в РФ, относительное большинство (41%) — недостаточно или мало информированы, и только 19%, т. е. почти каждый пятый, заявили, что полностью или достаточно информированы.

Разница в степени информированности возрастных групп схожа с той, что была видна у российской аудитории. Молодежь меньше знает про положение дел у соседей, чем старшие поколения. Столичные жители лучше и чаще информированы, чем люди, проживающие в других населенных пунктах Грузии. Явная схожесть присутствует в выборе источников информации: в обеих странах — телевидение, традиционные СМИ (государственные, затем независимые), Интернет и личные контакты. Отметим сохранение штампованного сознания, т. к. многие по-прежнему формируют свои знания и, соответственно, отношение, отталкиваясь от программ и новостей телевидения (зачастую включающих в себя и откровенную пропаганду), затем читая и слушая новости из ряда традиционных СМИ, иногда разбавляя это Интернет-сайтами информационного и просто развлекательного характера (от информационных агентств до социальных сетей).

Для России главным источником информации уже долгие годы является телевидение (54% опрошенных признались, что черпают информацию из разнообразных программ). Далее идут традиционные

СМИ — газеты, радио, ленты информационных агентств (41%). Третье место занимают социальные сети (19%), затем — информация, получаемая от близкого круга друзей, родственников и коллег, живущих в России и Грузии. При этом 40% опрошенных в России признались, что в последнее время вообще не получали никакой информации о соседней стране.

Сильно различаются источники информации у возрастных групп, которые по понятной причине имеют разные привязанности и направления доверия. Старшее поколение львиную долю информации черпает из телевидения (74%), среднее поколение примерно пополам: 51% получает из телевидения и 46% — из онлайн-каналов и новостных лент, тогда как молодежь отдает предпочтение онлайн-информации.

Очевидно, что зависимость от телевизионной информации сильно увеличивается по мере отдаления от мегаполисов и крупных городов в России. Жители последних отдают большее предпочтение онлайн-информированию (46% против 40%), жители городов с населением до 500 тыс. в равной пропорции пользуются как телевидением, так и онлайн-источниками (47% против 47%), тогда как жители малых городов и сельских поселений, зачастую не имея выбора, привыкли жить, черпая новости с телевизионного экрана (2/3 или 68%).

Можно просто посмотреть уровень охвата интернет-сетями РФ, и процент граждан страны, никогда или крайне редко пользующихся Интернетом. Напомним, что согласно опросу ФОМ (2020 г.), более 1/5 населения страны (точнее, 22% россиян) ни разу в жизни не пользовались Интернетом⁴⁵. Еще несколько процентов населения заходят во Всемирную паутину раз в несколько месяцев или не чаще раза в год. Этот расклад подтверждается и данными ежегодных отчетов о состоянии Интернет-среды. Согласно отчету Digital 2020, в России доступ к Интернету имеют всего 81%, т. е. 118 млн. человек, но при этом аудитория соцсетей (т. е. доля активно пользующихся паутиной) составляет всего 48% от общего населения страны (менее половины)⁴⁶.

В Грузии ситуация в значительной мере похожа. Самыми популярными источниками информации о России являются телевидение (69%) и соцсети (37%). Затем идут веб-сайты СМИ (14%) и члены семьи, друзья и коллеги, живущие в России (12%). Показательно, что именно последнюю группу участники фокус-групп называют как один из наиболее достоверных источников.

Схожа ситуация по приоритетам у возрастных групп и у жителей из разных населенных пунктов. Как и в России, подавляющее большинство старшего поколения предпочитает телевидение (85%), тогда как соцсети назвали всего 14%. Среднее поколение (до 55 лет) ставит на первое место телевидение (67%), но уже чаще выбирает и соцсети (43%). Молодежь чаще называет соцсети (59%), хотя телевизор тоже смотрит значительный процент опрошенных из этой группы.

По мере отдаления от грузинской столицы растет и число телезрителей, хотя и в Тбилиси их более половины — 58%. Более всего потребителей телевизионной информации в других городах Грузии (73%) и в сельской местности (75%). Тогда как получение информации через социальные сети наиболее распространено в столице (47%) и в городах (38%), а на селе таким выбором могут похвастаться только 28%. Важными способами получения информации о соседях является личное общение с жителями или посещение страны. За последнее десятилетие более половины респондентов общались с жителями Грузии (56%), кто часто, кто иногда, кто один или несколько раз. Лично же побывали в Закавказской республике 5%, основная масса из которых — молодые люди (до 25 лет). Трудно не согласиться со справедливым выводом российских социологов о том, что «личные поездки в Грузию связаны с выстраиванием или поддержанием позитивного отношения к стране» и, конечно же, к людям.

У россиян и жителей Грузии видна крайне схожая картина озабоченности своими внутренними проблемами. Их представления об основных вызовах и проблемах, стоящих перед собственным государством, почти идентичны, различаются только местом в списке.

По мнению россиян, первая пятерка главных проблем России, расположенных по степени важности, выглядит следующим образом:

- экономические и социальные проблемы (44%),
- здравоохранение, медицинская помощь и КО-ВИД-19 (31%),
- внешнеполитические угрозы и санкции (31%),

⁴⁵ Социологи назвали долю никогда не пользовавшихся Интернетом россиян // РБК. 22 мая 2020 г.
URL: <https://www.rbc.ru/society/22/05/2020/5ec7e0bb9a794757a52359f0>

⁴⁶ Интернет в 2020 г. в России и мире: статистика и тренды // VC.ru. 28 февраля 2020 г.
URL: <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy>

- проблемы образования (12%),
- чисто внутривнутриполитические проблемы (соблюдение прав человека и развитие демократии, коррупция, неэффективность системы государственного управления, высокий уровень недовольства населения и протесты) — все в пределах 10%.
- Основные вызовы и угрозы, с которыми сегодня сталкивается грузинское государство, стоят в такой очередности, согласно опросу:
 - экономические и социальные вопросы (57%),
 - территории Южной Осетии и Абхазии (41%) и вопрос нарушения территориальной целостности (32%),
 - проблемы здравоохранения, включая COVID-19 (26%),
 - права человека и демократия (11%),
 - проблема преступности / криминал (10%),
 - образование (7%).
- Еще 13% опрошенных считает, что Грузия в настоящее время сталкивается со всеми вышеперечисленными проблемами.

Крайне показательно, что у всех возрастных групп в Грузии социальные и экономические вопросы стоят на первом месте (более половины опрошенных). Значительный процент респондентов явно волнует общий уровень здравоохранения и получения медицинской помощи в стране: для всех возрастов — в пределах 26%. Интересно, что жители грузинской столицы воспринимают эту проблему не так остро (всего 18%), тогда как для жителей других городов и сельской местности она явно стоит очень серьезно (27% и 29% соответственно, т. е. около 1/3). Проблемы, связанные с образовательной сферой, более ощутимы молодежи (9%), тогда как только 5% представителей старшего поколения обратили на нее внимание. Зато, в отличие от вопроса здравоохранения, тема образования чаще волнует жителей Тбилиси (11%), чем сельских поселений (только 5%).

Как мы видим, граждан России и Грузии в основном волнуют одни и те же вопросы. Если убрать проблему Абхазии и Южной Осетии, то проблемные списки будут практически одинаковыми. Очевидно, что помимо социально-экономических проблем, перманентно стоящих почти перед всеми государствами на постсоветском пространстве, жителей двух стран остро волнует ситуация со здравоохранением, особенно на фоне продолжающейся пандемии коронавируса (Россия и Грузия оказались серьезно затронуты ей, о чем говорит значительное количество заражений, а также и летальных исходов), общий уровень образования, рост преступности и криминала, внешние угрозы и ситуация с правами человека.

* * *

Остальные важные темы вызвали разное отношение российской и грузинской аудиторий.

Первое и основное различие — в степени взаимного интереса, уровня значимости для соседей. Грузия в последние годы не воспринимается как приоритетная страна в международной активности России, в ее внешней политике и поэтому не представляет большого интереса для граждан, привыкших у телевизора регулярно получать политические новости. Грузия ушла из российского информационного поля, потому что не является ключевым игроком как на международной арене, так и на постсоветском пространстве. Опрос подтверждает, что интерес к Грузии среди россиян невелик.

Интерес к Грузии подогревался войной 2008 г. и последующими событиями в регионе, но по прошествии нескольких лет он стал угасать, а после 2014 г. был полностью закрыт Украиной, Молдовой и Белоруссией, а затем Арменией, Азербайджаном и Карабахской войной. В докладе ЦЕССИ фиксируется эта понятная особенность: «Грузия не является предметом специального интереса или пристального внимания большинства респондентов. Для них Грузия — одна из многих стран-соседей, которая на сегодняшний день воспринимается не как самая близкая и далеко не как самая важная».

Тогда как для Грузии и грузинского социума российский фактор имеет первостепенное значение (по степени влияния на политическую, социально-экономическую, культурную и гуманитарную сферы). Не зря доклад грузинских социологов открывается таким введением: «В Грузии исследователи, ученые и чиновники постоянно обсуждают Россию, ее политические цели и национальные интересы, действия ее руководства, а также ведут активные дискуссии о напряженных отношениях России и Грузии».

Еще одно различие, которое вытекает из общего сходства. Несмотря на общее положительное/нейтральное отношение жителей двух стран друг к другу, симпатии разных возрастных групп различаются. В России молодежь относится к Грузии и грузинам более позитивно, чем старшие поколения, тогда как в Грузии наоборот, там люди в возрасте 55 лет и старше лучше относятся к россиянам по сравнению с двумя другими возрастными группами. Похожий раскол подтверждают и обсуждения в фокус-группах. Молодежь жалуется на нехватку личного общения с соседями, поэтому, в первую очередь, их отношение базируется на новостном блоке, т. е. они судят

о людях скорее ориентируясь на все негативные ассоциации, связанные с государством.

Повторимся, различия в отношениях к соседям в возрастных группах есть, и они имеют логичное объяснение. В докладе ЦЕССИ справедливо замечается, что «обращение к эмоциональным или личным факторам характерно для людей старшего поколения — воспоминания молодости, теплые человеческие отношения, личный опыт посещения Грузии, друзья и знакомые. Молодые россияне чаще основывают свое мнение на опыте посещения страны, мнениях других туристов, но при этом связи с людьми, личные отношения с жителями Грузии упоминаются ими гораздо реже». Участники фокус-групп в России тоже обратили внимание на эту закономерность: «...есть разделение на тех людей, которые застали Советский Союз — старшее поколение, кто помнит, как это было, и на молодое поколение, многие из которого просто не знают языка русского». На этот конфликт, на поколенческий раскол обратили внимание многие российские респонденты. Вот одно из показательных высказываний: «Люди нашего поколения среди грузин — открытая душой нация, готовы принять чужого человека в гости, и пообщаться и угостить, все на свете. Молодое поколение — это уже другие люди... (женщина около 50 лет из крупного российского города).

Значительное различие в оценке характера информации, получаемой из соседней страны и о ней (и это несмотря на то, что источники информации весьма схожи). Россияне в подавляющем большинстве нейтрально оценивают характер и направленность информации, получаемой о Грузии, тогда как грузинская аудитория склонна оценивать эти параметры в отношении информации о России в значительной мере как негативные. В частности, 57% российской аудитории считает, что получает о Грузии информацию нейтрального характера, 18% — положительную, и только 18% — негативную. В Грузии расклад совершенно иной, можно сказать противоположный: большинство населения (59%) оценивает информацию о РФ как негативную, 22% — как нейтральную, и только 15% — как положительную.

Это легко объяснить, если посмотреть на тематику получаемой информации. Российская аудитория получает в основном новости из Грузии туристической направленности⁴⁷, только потом по поводу политики и тем, связанных с Абхазией и Южной Осетией, которые к тому же никак не связаны в российском информационном поле с Грузией⁴⁸. Темы, связанные с культурой, социально-экономическими вопросами, преступностью и т. п., крайне редко попадают россиянам.

При невысоком уровне интереса к Грузии и ее редком появлении в информационном поле России нейтральное восприятие — самое простое и понятное. В ходе обсуждения в фокус-группах наиболее характерными были следующие высказывания российских участников: «в моем информационном поле Грузия практически отсутствует», «давно не видел никаких новостей про Грузию», «в последнее время я как-то про Грузию ничего не слышу» и т. п.

Грузинская аудитория наиболее часто получает информацию об угрозах, связанных с Россией или с Абхазией и Южной Осетией (угроза территориальной целостности, угроза безопасности, т. е. ключевое слово, идущее в информации вместе с Россией — «угроза») — 40%. Далее по степени частоты ответы распределились так: информация о российской внешней политике (36%), где часто обсуждается та же угроза, исходящая от соседней страны, потом внутренняя политика (27%). В пятерку топовых тем попали также экономика (20%) и культура (13%), тогда как туризм назвали только 9% опрошенных.

Это лишний раз демонстрирует низкий уровень интереса к Грузии у российской аудитории и достаточно высокий уровень безразличия, тогда как информация, связанная с Россией, пользуется серьезным интересом и гораздо более эмоционально воспринимается в Грузии.

Сильно различается и отношение к совместному историческому прошлому. Если общая история, как дореволюционная, так и советская, воспринимается в России «как основа для близости и понимания», то в грузинской аудитории она зачастую вызывает негатив. Участники фокус-групп выразили отрицательное отношение к России и ее политике, отсылая все к плохой истории взаимоотношений с Россией, к негативному историческому опыту, якобы демонстрирующему извечную российскую империалистическую и экспансионистскую политику («Россия исторически является врагом Грузии», «агрессор, который начинал войну с Грузией 3 раза в прошлом веке»

⁴⁷ В докладе ЦЕССИ отмечается, что «...особое место занимают туристические передачи и материалы о разных странах. Они вызывают большой интерес, особенно у молодых россиян. Информация в таких материалах обычно более позитивная, не связана с политикой и конфликтами. В таких материалах Грузия выступает с очень позитивной стороны».

⁴⁸ Показательно, что «в фокус-группах практически никто из респондентов спонтанно не упоминал какие-либо территориальные конфликты между Грузией и Россией, вооруженные столкновения или споры, проблемы в Абхазии и Южной Осетии. Эти темы занимают сейчас небольшое место в ежедневных новостях и отошли на задний план в общественном сознании россиян» (из доклада ЦЕССИ).

и т. п.). Подобные штампы, мало имеющие отношение к реальному историческому прошлому, востребованы в современной Грузии и отлично укладываются в существующий антироссийский тренд. Эти лозунги периодически озвучиваются и поддерживаются как на официальном уровне, так и в публичном поле. До сих пор в Тбилиси действует Музей советской оккупации, и туда регулярно водят экскурсии.

Респонденты в Грузии выделили 3 периода, которые, по их мнению, определяют нынешние отношения между Россией и Грузией: 1) конец 1980-х гг., в первую очередь, события апреля 1989 г., 2) распад Советского Союза и объявление о независимости Грузии, 3) война в Абхазии 1992–1993 гг. Дополнительно участники фокус-групп вспомнили важные точки бифуркаций, которые негативно воспринимаются в грузинском обществе: Георгиевский трактат 1783 г. о протекторате, события советско-грузинской войны 1921 г. и падение Первой Грузинской республики в результате наступления Красной армии и отдельно — Августовскую войну 2008 г.

Парадоксально, но, вопреки в целом негативному отношению к советскому прошлому в Грузии (тема советской оккупации республики уже вошла в число сакральных, и, несмотря на смену политической власти в Грузии, Музей советской оккупации, с помпой открытый М. Саакашвили, спокойно себя чувствует и в эпоху главенства Б. Иванишвили), значительный процент населения с симпатией и пиететом относится к фигуре Сталина, даже можно сказать, что в Грузии существует и по-прежнему популярен своеобразный его культ⁴⁹.

Показательно, что если о Сталине часто вспоминают положительно и с симпатией, то эпоха, кровно связанная с ним, никаких позитивных эмоций не вызывает. Причем о его ближайших соратниках грузинского происхождения тоже не вспоминают. Например, под неким табу находится фигура его ближайшего соратника в 1920-е — 1930-е гг., инициатора и главного организатора операций по советизации Кавказа Серго Орджоникидзе, который, напомним, сгорел, как и многие, в топке сталинского репрессивного котла. Практически никто не вспоминает о нем, потому что он ассоциируется как раз с советизацией Грузии в 1921 г. — читай, советской оккупацией и наступлением Красной армии. Он — главный творец советской Грузии, поэтому он входит в пантеон антигероев и отрицательных персонажей, тогда как Сталин, который принимал самое активное участие в процессе советизации Закавказья и ликвидации Первой Грузинской республики, подобного негатива и отношения не вызывает...

* * *

Ключевой вопрос — оценка самих двухсторонних отношений и выявление основных препятствий на пути их нормализации — вызвал достаточно разные отклики российской и грузинской аудиторий. Сразу заметим, что российские участники в целом настроены более оптимистично и дружелюбно, чем грузинские респонденты. Возможно, потому что они не так остро воспринимают данную тему, которая не входит в число приоритетных вопросов для России и не является жизненно важной для них лично.

Мы видим следующие цифры: почти половина россиян (49%) считает отношения с Грузией дружественными⁵⁰, и только 38% враждебными. Среди возрастных групп наиболее позитивная оценка отношений принадлежит молодежи (младше 35 лет), 57% которой считает их вполне дружескими. Тогда как старшие поколения настроены более скептически, мнения двух остальных групп разделились практически пополам — между дружественными и враждебными.

Показательно, что треть россиян не видит никаких определенных препятствий для нормализации двухсторонних отношений (33%). Среди остальных значительное число называет преградой стремление Грузии войти в состав ЕС и НАТО (22%), политические разногласия (13%), просто антироссийскую политику Грузии (10%). Вопрос Абхазии и Южной Осетии назвали проблемой в отношениях между Москвой и Тбилиси всего 5% опрошенных. Это в очередной раз подтверждает низкий интерес к грузинскому направлению и по большому счету безразличие российского общества. Многие не знают и фактически не замечают связи вопроса Абхазии и Южной Осетии с проблемами в двухсторонних отношениях.

В Грузии мы можем наблюдать качественно иную картину: подавляющее большинство опрошенных (почти 3/4, точнее 74%) называет двухсторонние отношения враждебными, и только 18% (менее 1/5) — дружественными⁵¹. Различия в оценках возрастных групп незначительные (в пределах 2–3%).

Главным препятствием на пути к нормальным отношениям более половины грузинской аудитории (60%) считает вопрос Абхазии и Южной Осетии (с часто

⁴⁹ Ваал Т. де, Липман М., Гудков Л., Бакрадзе Л. Что думают о Сталине в России и Закавказье. М., 2013; От Сталина до Путина. Фигура вождя в России и Грузии // Радио Свобода. 04.07.2021. URL: <https://www.svoboda.org/a/stalin-i-putin-v-rossii-i-gruzii/31340272.html>.

⁵⁰ 6% очень дружественными + 43% скорее дружественными

⁵¹ Оставшиеся 8% не определились с ответом.

употребляемым в последние годы термином «оккупация»), еще 30% — намерение Москвы вернуть Грузию в сферу своего влияния, и только 22% — политику Грузии по интеграции в ЕС и НАТО. Кроме того, по грузинской версии в пятерку основных преград входят также российские и грузинские власти, точнее, первые лица двух государств (18% и 10% соответственно).

Помимо темы Абхазии и Южной Осетии, крайне важное значение придается вопросу интеграции Грузии в евроструктуры, грузинские социологи особо его выделили. Этот шаг представляется справедливым, ведь на сегодняшний день именно этот вопрос является главным для всей внешнеполитической активности Грузинской республики.

Действительно, отношение к нему в Грузии особое, тогда как в России — качественно другое и весьма негативное. Согласно грузинскому опросу, подавляющее большинство оценивает стремление Грузии в ЕС положительно (80%, при 12% негативном отношении), значительный, чуть меньший процент поддерживает стремление страны вступить в Североатлантический альянс (74% при 15% негатива). Небольшие показательные различия в поддержке у возрастных групп: наибольшую поддержку подобное стремление получило у грузинской молодежи (86% — за ЕС, 80% — за НАТО), тогда как средние и старшие поколения демонстрируют чуть более низкие проценты (79% и 77% соответственно — за ЕС, 72% и 70% — за НАТО).

Обсуждения в фокус-группах полностью подтверждают факт сильной поддержки данного стремления в грузинском обществе. Большинство участников заявили, что являются сторонниками вступления страны в Евросоюз и НАТО, видя в этом решение ключевых для Грузии проблем. Очевидно, что если стремление в ЕС практически не вызывает вопросов, за исключением нескольких голосов с мнением, что членство в ЕС неприемлемо, т. к. угрожает грузинским традициям и национальным ценностям, то вступление в НАТО рассматривается с большей осторожностью и определенной долей скепсиса. Когда для одних членство в Североатлантическом альянсе — это «единственный инструмент борьбы с российской оккупацией», для других это спорный вопрос, и они склоняются к мысли, что «членство не принесет пользы» и будет только провоцировать Россию. Ряд респондентов вообще разочарованы инертной позицией Запада и низким уровнем его поддержки Грузии. Интересно, что представители этнических меньшинств, участвующих в фокус-группах, прохладно и довольно нейтрально отнеслись к идее вступления Грузии в ЕС и в особенности в НАТО.

В российской аудитории мы можем наблюдать совершенно иную картину предпочтений и оценок. К идее вступления Грузии в Североатлантический альянс большинство относится резко отрицательно — 68%, тогда как положительно — только 14%. Вопрос членства Грузии в Евросоюзе вызывает значительно меньше негативной реакции: только 44% высказались отрицательно, тогда как 30% — положительно (при 1/4 неопределившихся или просто равнодушных к этой теме). Различия в восприятии этого вопроса у разных возрастных групп в России есть, и они заметны.

Старшие поколения настроены гораздо более категорично и сильно негативно к этой идее, особенно к членству в НАТО: группа людей старше 55+ высказалась против (79% относятся отрицательно и всего 6% — положительно), в средней группе отрицательное отношение поддержали 69% (12% относятся положительно). Почти половина двух старших возрастных групп высказались отрицательно по поводу вступления в ЕС. Приведем одно из характерных мнений в фокус-группе: «Это будет очередная головная боль, потому что ими воспользуются для того, чтобы лишний раз насолить нам» (женщина старше 60 лет, Москва).

Позиция молодежи гораздо более мягче и положительнее позиции более взрослых групп: негатив по отношению к вступлению в НАТО высказала половина при 28% положительной реакции, тогда как отрицательное отношение к членству в ЕС высказали всего 31% при 44%, относящихся положительно, и 1/4 воздержавшихся).

Таким образом, мы видим различие базовой установки в обществах двух стран: для России НАТО представляется очевидной и прямой угрозой, тогда как для Грузии — защитой и гарантией безопасности, а членство в ЕС — еще и гарантией социально-экономической стабильности. Подчеркнем, что именно эта тема (вместе с вопросом Абхазии и Южной Осетии) является ключевым противоречием в двухсторонних отношениях, камнем преткновения между Москвой и Тбилиси.

* * *

Несмотря на кардинальное расхождение по ключевому вопросу, по другим аспектам взаимодействия аудитории демонстрируют высокий уровень схождения позиций. Например, они едины во мнении по вопросу позитивного влияния туризма и торговли на улучшение двухсторонних отношений. В этом уверено подавляющее большинство как в России, так и в Грузии, хотя и присутствует известная доля скепсиса.

Так, мы фиксируем схожее мнение, что Грузия — важное туристическое направление для россиян сегодня, и эта сфера способна оказать благоприятное влияние на улучшение отношений и их дальнейшее развитие. Грузия, бесспорно, одно из наиболее желаемых направлений для туристического отдыха (особенно из числа постсоветских стран), более четверти опрошенных заявили о своем желании побывать там. Причем у людей младшего и среднего возраста этот процент еще выше — за 30%, тогда как пожилое поколение в силу объективных причин менее других настроено на путешествия.

Тезис «развитие экономических и торговых связей способствует укреплению отношений между Россией и Грузией» поддерживается подавляющим большинством россиян (более 80%). Аналогичную высокую поддержку получило и утверждение о положительном влиянии туризма на двухсторонние отношения (86%). Более того, россияне в ходе опроса часто признавались, что, в первую очередь, обращают внимание на туристические сведения о Грузии, а затем уже на другие темы.

Грузинская аудитория в целом согласна с вышеуказанными тезисами и демонстрирует схожие высокие проценты поддержки. 75% опрошенных согласны с позитивным влиянием на отношения экономических и торговых связей, а 84% — туризма. Причем различий восприятия этого вопроса у трех возрастных групп нет. Если смотреть на тип поселений, то более всего о пользе экономики, торговли и туризма вспоминают жители сельской местности (78% — экономические и торговые связи, 87% — туристическая отрасль). Понятно, что сельские жители в Грузии настроены гораздо позитивнее, чем остальные категории, и с огромной надеждой смотрят на улучшение как экономических, так и торговых связей с Россией, у них есть серьезная заинтересованность и в развитии туризма. Они явно признают важность восстановления экономических и торговых отношений в полном объеме, т. к. кровно в этом заинтересованы.

Часть участников фокус-групп тоже настроены оптимистически, надеясь, что укрепление и расширение экономических и торговых связей сыграет положительную роль в процессе общей нормализации двухсторонних отношений. В качестве позитивного примера был приведен рынок Эргнети, который играл важную роль в восстановлении утерянных ранее контактов и в процессе умиротворения, однако был закрыт в 2004 г. по инициативе грузинской стороны (читай: Саакашвили). Некоторые участники подчеркивали, что работа рынка способствовала примирению, и отношения с соседями ухудились, когда его закрыли.

Другая часть респондентов настроена более скептически, считая, что экономические и торговые контакты с Россией не смогут изменить общего негативного фона отношений, тем более если последняя использует это направление как инструмент политического давления. Третья группа участников вообще предлагать закрыть глаза на торговлю с Россией, замечая, что она никогда не сможет компенсировать потери Грузии политического характера. Граждане Грузии армянского происхождения считают, что надо постараться договориться и облегчить передвижения между странами (выступили за полный безвизовый режим между двумя странами). По их мнению, это будет стимулировать трудовую миграцию, в том числе и сезонного характера, что благоприятно скажется на развитии отношений между Москвой и Тбилиси.

* * *

Отношения к теме конфликтных регионов — Абхазии и Южной Осетии — опять-таки схожи в двух аудиториях. Отметим низкое знание ситуации в двух маленьких республиках и невысокий к ней интерес. Данная тема в настоящее время явно не находится в приоритете ни в грузинской, ни тем более в российской аудитории.

Единственное и важное отличие — это итоговая рефлексия. Грузинская аудитория в подавляющем большинстве едина во мнении, что Абхазия и Южная Осетия — части Грузии⁵², но при этом значительно меньшее количество верит, что они действительно ими станут в ближнесрочной перспективе. Однако при этом прозвучало и мнение, что Абхазия и Южная Осетия уже потеряны. Отмечалось, что если бы сама Грузия находилась бы сегодня в хорошем и стабильном экономическом положении, то люди в Абхазии и Южной Осетии захотели бы воссоединения, а так шансов мало.

Российская же аудитория вообще близка к игнорированию этой темы. Важно подчеркнуть, что она для нее малозначима и откровенно ей не интересна. Показательно, что около 1/3 опрошенных не имеют даже представления о том, каков сегодня статус Южной Осетии, а примерно четверть — Абхазии. Еще одна треть считает их квазинезависимыми государствами,

⁵² 75% частью Грузии считает Абхазию, 71% — Южную Осетию. Молодежь несколько реже называет республики частью Грузии, в отличие от старших поколений (70% и 62% соответственно, тогда как старшие поколения — 78% и 75% соответственно).

1/5 — частью России. Независимыми государствами называют Абхазию 15%, а Южную Осетию — 10%. Согласно данным ЦЕССИ, наибольшие трудности в определении статуса этих территорий испытывали представители молодежи⁵³.

Аналогичные трудности у российской аудитории возникли и с вопросом о том, в каком направлении сегодня развиваются Абхазия и Южная Осетия. Только чуть более половины россиян смогли дать определенный ответ, тогда как остальная значительная часть опрошенных вообще не смогла сформулировать свое мнение и затруднилась с ответом (41% — в отношении Абхазии, 43% — в отношении Южной Осетии). Прогнозируемо более высокая осведомленность у представителей старших возрастных групп, многие из которых помнят горячие фазы грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов в начале 1990-х гг.

Весьма безразличное отношение и к факту финансовой помощи республикам со стороны России. Признаем, что если у грузинской аудитории есть понятная и прогнозируемая рефлексия, то российская сторона слабо информирована об этом, и (за редким исключением тех, кто был хотя бы в Абхазии) не может даже сформулировать свою позицию по этому вопросу. В грузинской аудитории почти половина негативно относится к данному факту. Главным объяснением озвучивалось то, что Россия хочет держать там все под контролем и сохранять зависимость абхазов и осетин от Москвы. Интересно, что было озвучено и альтернативное мнение о том, что Россия должна финансировать Абхазию и Южную Осетию хотя бы потому, что кто-то должен заботиться о проживающем там населении.

Повторимся, что сегодня тема Абхазии и Южной Осетии явно не представляется приоритетной как для грузинской, так и для российской аудиторий. Уровень знаний о республиках и текущей ситуации там крайне низок, что порождает возникновение баек и откровенных домыслов, которые, тем не менее, достаточно легко ретранслируются и широко обсуждаются в первую очередь в грузинском обществе. В России темы, связанные с двумя республиками, редко появляются в информационном поле, не востребованы населением и не интересны ему.

* * *

Отношение к Северному Кавказу со стороны российской и грузинской аудитории оказалось также весьма похожим. Респонденты из двух стран за редким ис-

ключением продемонстрировали невысокий уровень знания о регионе и проживающих там жителях, а также весьма низкий интерес к ним.

Достаточно схожая рефлексия: часть россиян считает, что грузины и жители Северного Кавказа похожи, другая — нет. Показательно, что и те, кто говорит о сходстве, и те, кто вспоминает о различиях, ссылаются на одни и те же моменты — на культуру, традиции, базовые ценности, образ жизни и т. д. Такой же раскол и среди самих жителей северокавказского региона, которые далеко не едины в своем мнении и тоже представляют две полярные позиции. Мнения разделились и в грузинской аудитории, что явно демонстрирует процентное соотношение: 42% в целом ответили, что похожи (39% «похожи» + 3% «очень похожи»); 39% — что различны. Почти 1/5 (18%) не смогла определиться с ответом.

Большинство опрошенных как в России, так и в Грузии скептически относятся к роли Северного Кавказа в урегулировании отношений между двумя странами, а также в разрешении конфликтов с участием Грузии. Конечно, есть мнение, что подключение жителей северокавказского региона может помочь и в налаживании общественной дипломатии, и в переговорах между сторонами, однако серьезной веры в это не продемонстрировали ни российские, ни грузинские респонденты.

Повторимся, что в грузинской аудитории позиция по отношению к Северному Кавказу сходна с российской. Почти половина (46%) не смогла назвать ни одной дружественной к Грузии республики и затруднилась с ответом. Еще 20%, т. е. 1/5 аудитории, вообще заявили, что ни одна из республик не дружественна Грузии. Среди оставшихся 11% назвали Ингушетию, 5% — Дагестан. Таким образом, самой дружественной стала Ингушетия (если вспомнить конфликтный фон осетино-ингушского конфликта и то, что ингуши никогда не ввязывались в противоборство в Закавказье, то подобный выбор становится понятным). То, что в Ингушетии с симпатией относятся к Грузии, тоже не секрет.

⁵³ Социологи фиксируют, что «основное отношение участников групп к конфликту в Абхазии — незнание или равнодушие». При этом «фокус-группы показали, что о конфликте в Абхазии россияне осведомлены немного больше, чем о конфликте в Южной Осетии, о котором у россиян вообще очень смутные представления и воспоминания. Многим респондентам в фокус-группах было трудно вспомнить, о чем вообще идет речь, отличить Северную Осетию от Южной. Информация об Абхазии поступает как из официальных источников, так и из обмена личными впечатлениями людей о поездках в Абхазию на отдых, а также знания о продуктах из Абхазии. <...> Знаний и источников информации о Южной Осетии у россиян гораздо меньше» (из доклада ЦЕССИ).

Особо отметим, что в республиках Северного Кавказа отношение к Грузии и ее жителям лучше, чем в среднем по России. Наиболее позитивно к грузинам относятся в Чечне и Ингушетии (63% и 61% соответственно), далее — в Дагестане (51%). Более высокий процент позитива и к самой Грузии — в Чечне (61%), Ингушетии (56%). Крайне положительное отношение подтвердило и обсуждение в региональных фокус-группах, в ходе которого респонденты неоднократно называли Грузию среди наиболее близких к России стран. Одним из объяснений такого отношения может служить близкое соседство, которое позволяет приезжать в Грузию и контактировать с ее жителями чаще, чем гражданам РФ из других субъектов. Прогнозируемо и понятно, что самый низкий процент положительного отношения к Грузии в Республике Северная Осетия — Алания (всего 38%).

Не отличается отношение жителей Северного Кавказа к идее вступления Грузии в ЕС и НАТО от аналогичного в целом по России. Отметим, что отношение к членству в НАТО резко отрицательное, тогда как к вступлению в Евросоюз более мягкое и спокойное. Более того, этот вопрос, по оценке ЦЕССИ, «оставляет многих жителей Северного Кавказа равнодушными», т. к. он им особо не интересен.

Отношение к Абхазии и Южной Осетии примерно такое же, как и в среднем по России (серьезных различий не выявлено). Значительный процент опрошенных характеризует эти территории либо как формально независимые государства, либо как часть России. Минимум опрошенных связывает их с Грузией. В четырех из пяти республик Северного Кавказа (за исключением Северной Осетии) также невысок процент тех, кто считает их полностью независимыми (от 4% до 17%). Жители Республики Северная Осетия-Алания более других склонны к этой оценке, особенно в отношении Абхазии (1/4 опрошенных).

Также мало кто из опрошенных на Северном Кавказе верит во вхождение этих республик в состав Грузии в ближнесрочной перспективе. Наоборот, значительный процент жителей республик Северного Кавказа (особенно Кабардино-Балкарии, Дагестана и Северной Осетии) склонен верить в то, что в ближайшем будущем Абхазия и Южная Осетия войдут в состав России⁵⁴. Заметим, что все вышеуказанные оценки сделаны на фоне весьма низкого уровня знания как предыстории конфликтов, так и текущего состояния жизни в двух республиках⁵⁵. Показательно, что только в Ингушетии около трети не смогли даже определить нынешний статус Абхазии и Южной Осетии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Пропасть в отношениях России и Грузии, вырытая еще десятилетия назад, растет и ширится, политический трек фактически цементирует размежевание и негативно влияет на взаимоотношения жителей двух стран, осложняя контакты и общение. Личные связи, наработанные в то старое время, остаются для многих зачастую единственным каналом общения и информации о соседях. Многим же отсутствие общения и недостаток информации компенсирует телевизор и традиционные СМИ, хотя уровень предоставляемой информации оставляет желать лучшего.

2008 год можно назвать определенным водоразделом, после которого отношения стран покатались под откос и вовсе заработали жернова, которые к 2020-м перемололи большую часть огромного позитивного багажа, оставшегося со старых времен. С сожалением признаем, что остается все меньше связующих нитей, все меньше общих тем и образов, воспринимаемых в обеих странах. Образ Мимино ушел из российского общественного сознания и ничего не появилось взамен. Фактически сохранился только один туристическо-гастрономический трек, но он весьма узок, имеет явные ограничения и не может кардинально усилить интерес...

Таким образом, общества двух стран, испытывая все меньше ностальгии по старым временам, все меньше хотят сближения, все меньше настроены на него, нет веры и жесткого запроса на улучшение отношений, более того, в российском и грузинском обществах побеждает скепсис по этому поводу и растет безразличие друг к другу. Взамен старых скрепляющих связи образов ничего не появилось, что лишний раз подтверждает хрупкость нынешних отношений и их беззащитность перед новыми политическими ветрами. Рассматриваемые опросы в очередной раз демонстрируют отдаление и усиливающееся отчуждение между соседними народами.

В Грузии сейчас в моде негатив в отношении северного соседа, и на его поддержание брошены серьезные

⁵⁴ При этом подавляющее большинство опрошенных из Чечни и Ингушетии затруднились ответить на этот вопрос.

⁵⁵ В докладе ЦЕССИ прямо отмечается, что «большая часть участников фокус-групп была очень мало осведомлена о конфликте в Абхазии, причинах этого конфликта и роли России. <...> знания жителей Северного Кавказа о конфликте вокруг Южной Осетии, как и в случае с Абхазией, довольно смутные. Среди участников фокус-групп лишь немногие имели сколько-нибудь определенные представления о том, что там произошло, имели мнение о том, каковы причины конфликта».

интеллектуальные силы. В России же основной тренд иной: скорее непонимание и игнорирование позиции соседа, а также периодическая демонстрация обиды на неблагодарное поведение близкой ранее республики.

Опрос подтверждает и главную тенденцию современной эпохи: после распада Союза и закономерного краха всех традиционных связей — политических, экономических, институциональных, культурных и т. д. — ушло и единство информационного поля. Если ранее информированность советских граждан была под контролем и примерно на одном уровне, дозированная руководством страны, то теперь расхождение по своим национальным квартирам одновременно усилило и замыкание в себе, и снижение уровня знания о соседях, и рост языкового барьера.

Катастрофическое падение периодичности и качества наполнения культурных, научных и образовательных связей между странами, которое произошло еще в 1990-е гг. (но последствия стали видны и ощутимы в 2000-е гг.), только обнажило глубину пропасти и скорость ее увеличения. Смена языковых приоритетов, случившаяся в Грузии при государственной поддержке, особенно в период правления Саакашвили, и нивелирование роли и места русского языка лишь закрепили возникшую пропасть в общении и контактах между странами, и сделали сохранившиеся контакты как между простыми людьми, так и представителями творческой и научной интеллигенции двух стран редкими островками взаимопонимания и взаимоосознания. Однако, оказавшись без всякой государственной поддержки, эти треки практически угасли за последние два десятилетия, а встречи стали крайне редки.

Количество областей соприкосновения и взаимопонимания стало стремительно сокращаться, вслед за политическими заморозками в отношениях двух стран. Практически исчезла литературная тропа, позволяющая ранее многим узнавать и познавать и Грузию, и Россию (почти сведен к нулю процент переводной литературы, которая есть сейчас в России, и, наоборот, русской литературы в Грузии — это касается как переводов классики, так и произведений современной литературы). В современной России ушла и мода на Грузию, существовавшая как минимум два последних столетия.

Миф о Грузии, как особом крае с гостеприимным и отзывчивым населением, существовавший в советское время и первое десятилетие постсоветского периода, практически исчез, сейчас мнение жителей России в основном базируется либо на информации

русскоязычных СМИ, либо формируется на основе собственных впечатлений и ощущений при поездке в Грузию (а также рассказов людей из ближнего круга, бывавших в Грузии и знакомых с местной действительностью). Однако следует признать, что основная масса россиян черпает свои скудные знания о современной Грузии из открытых источников, т. е. из СМИ (ТВ и печатной прессы) и Интернета. Это накладывает отпечаток на их взгляды и оценку, зачастую она становится шаблонной.

Закавказская республика в последние годы все реже и реже мелькает в информационных новостях и публикациях СМИ. Пандемия коронавируса фактически завершила этот процесс, минимизировав присутствие Грузии и грузинских тем в российском информационном поле, к тому же прошлый год оказался полностью закрыт событийной канвой Второй Карабахской войны и вестями из Азербайджана и Армении. Источников информации о Грузии и происходящих там процессах у большинства жителей России весьма мало, что и подтверждает проведенный опрос. Его данные во всей красе демонстрируют весьма низкую информированность граждан России, как из столицы и крупных городов, так и с Северного Кавказа, о соседях, их проблемах и чаяниях, текущей ситуации и перспективах.

Понятно, что мало кто верит в близкие перспективы улучшения отношений между странами. Следует признать, что в сложившейся ситуации, при таком негативном международном фоне и остроте двухсторонних отношений, улучшение маловероятно, о чем — справедливо, на наш взгляд, — и говорили многие участники как из России, так и из Грузии.

ОБ АВТОРАХ:

Муханов Вадим Михайлович – ведущий научный сотрудник Сектора Кавказа Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН

Редактор

Екатерина Бобрышева

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

© осень 2021

Издатель: **Фонд им. Фридриха Эберта в Российской Федерации**

Москва, 3-я Тверская-Ямская ул., д.3 стр.2
<https://russia.fes.de>

Коммерческое использование материалов, изданных Фондом имени Фридриха Эберта, без письменного согласия Фонда не разрешается.

Мнения, высказываемые в данной публикации, могут не совпадать с позицией Фонда имени Фридриха Эберта.